

О`Влади
Сон океана

Isum ininvri asdar un viira. Лишь только сон дарует
пробуждение

О. Влади
Сон океана

«Издательские решения»

Влади О.

Сон океана / О. Влади — «Издательские решения»,

Очень часто многие из нас задаются вопросом: а что было бы, если бы нам времени было отведено больше или если бы нам было доступно бессмертие? Совершили бы мы ошибки, которые совершили, или все сложилось бы иначе? О чем бы мы думали, что бы мы чувствовали? А что если бы ничего не изменилось? И мы бы продолжали совершать и совершать одни и те же действия? А наш внутренний мир, наши поступки и мысли на самом деле не зависят от продолжительности жизни?

© Влади О.

© Издательские решения

Содержание

Несколько слов вместо предисловия	6
Часть первая. Иранхара	7
Мишель	7
Иранхара	11
Болдр	16
Иранхара	19
Альвильда	22
Иранхара	28
Альвильда	32
Иранхара	34
Альвильда	41
Иранхара	44
Альвильда	48
Иранхара	52
Альвильда	56
Иранхара	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сон океана
Isum ininvri asdar un viira. Лишь
только сон дарует пробуждение
О`Влади

© О`Влади, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов вместо предисловия

Редко встречаются люди, которые в детстве бы не играли, и часто встречаются те, кто перестает играть повзрослев. Почему? Мы стали другими внутри себя или этого требует окружение? Вечный философский вопрос. Я же предлагаю его отложить и просто поиграть.

Предлагаю вашему вниманию роман-пазл, состоящий из множества элементов, которые в конце сложатся в единую картину. Я предлагаю не просто прочесть это произведение, а обратить внимание на детали, фразы и поступки героев. Я предлагаю поиграть с героями, выдвигая свои версии и предположения. И поверьте мне, то, что для вас будет очевидным в первых частях романа, может иметь если и не противоположный, то несколько иное смысл в последующих. А может и нет, может быть найдутся те читатели, кто думают со мною на одной волне. Обещаю честную игру без изменения правил по ходу. Роман дописан, единая картина превращена во множество деталей, рассыпанных и перемешанных лишь только для того, чтобы опять быть собранной и понятной.

И несколько слов о самом сюжете.

Сначала люди были уверены, что Земля стоит на черепахе или на слонах, что она плоская и имеет края, затем уверовали в то, что она круглая и Солнце кружится вокруг нее, ну а потом все оказалось наоборот. Но последняя ли это теория? Когда зародилась жизнь? Мы знаем это точно или только то, что можем осмыслить или то, что нам дают осмыслить?

Нет, этот роман не об образовании Земли из маленькой песчинки во Вселенной, не о Всевышней силе, создавшей эту чудесную планету, и даже не о том, что наша жизнь это крохотный осколок, от другого более сложного мира. Нет, он о том, что то, что иногда кажется несомненным и определенным может оказаться всего лишь деталью, а то и маленькой составляющей более сложного рисунка. И складываясь, эти элементы, могут приобрести совершенно другое значение, чем изначально мы предполагали, потеряв свою бесспорность и отчетливую явственность.

Этот роман не для тех, кто любит последовательность сюжета, четкую направленность характеров и объяснимость поступков. Он для тех, кто понимает, что в жизни во всем существуют грани, что то, что мы видим, не всегда является окончательным и верным, что только стоит сделать шаг в другом направлении, как мир перестает быть привычным. Да, в нем есть любовь, а как же без нее, есть жестокость, сила и бессилие, немного философии и политики, кажущаяся бессмысленность слов, сложность стремлений и красота чувств, простота сюжета и замысловатость фраз. Но как я уже отметила это роман-пазл, и каждая его составляющая видна только в общей картине.

Итак, перефразирую моего любимого и, я надеюсь, ушедшего в Вечность, писателя: За мной, читатель! За мной.

Часть первая. Иранхара

*Valiso valiis esanti yy aisvi un viinita.
Isum ininvri isasdar acumsienti`a
Umi uttas`ismesiviri viir assmie`a,
Isisobliviss ivsascaus`a,
Uttasi oblivas assmie iv niumi asvaavire`a,
Yy uttasi oblivissas assmie astisy niuumun...¹
Asviresmiridasunviru. Ingti inviirisisy.*

Мишель

Она чувствовала отчаяние этого мира. Где-то сейчас умирают и умирают люди. Впрочем, всегда каждую минуту кто-то в мире умирал, кто-то терял любимых, кто-то отчаянно боролся за жизнь и терпел неудачу, но сейчас это происходило тысячами. Население уменьшилось уже более чем в половину – кто-то умер от вируса, и их большинство, кто-то от отчаяния и горя, были и такие, которые воспользовавшись трагедией, убивали других себе в удовольствие.

Первые годы чумы люди верили в свое правительство и принимаемые им меры, верили в избранность их страны и нации, затем верили в науку и силу человеческой мысли и ждали, ждали вакцину.... В это время появилось множество ученых и организаций, предлагающих панацею и спасение. В печати, в интернете и на телевидении день ото дня появлялась информация о новых разработках, об эффективных средствах и лекарствах. На этом делали имена и состояния, но результата не было. Чума продолжала распространяться, со скоростью, опережающей человеческие идеи. Правительства ужесточали въезд в страны и закрывали границы, но это не останавливало продвижение смерти.

Потом возросла вера в бога, традиционные и альтернативные религиозные организации росли как на дрожжах, предлагая своих богов и разнообразные варианты спасения, вселяя в отчаявшиеся сердца надежду, хотя большинство из них просто собирали деньги. Следом пришла вера в конец света и в последние дни человечества. Люди, не зависимо от возраста, стран и континентов, разделились на тех, кто наслаждался жизнью в последний раз и на тех, кто боролся и сопротивлялся, но большинство все-таки было отчаявшихся и озлобленных. Но и эта вера прошла, пришло всеобщее состояние молчаливого ожидания, ожидания неизвестности и завтрашнего дня. Глаза людей, глаза, отражающие их душу, были пусты, чума еще не пришла в их дом, но другая, более страшная болезнь взяла вверх, их души замолчали, они превратились в насекомых, жизнь которых выстраивается на примитивных инстинктах.

Но, как и бывает на земле, даже в безводных пустынях есть существа, отвоевывающие свое право на жизнь, вопреки логике и правил, есть оазисы, существующие наяву, а не в миражах. Так и в разных странах, в разных уголках Земли, разные, непохожие друг на друга люди объединились в сообщества и жили, жили полной жизнью, борясь с отчаянием, насилием и продажностью общества, борясь со слабостью внутри себя, борясь за право быть человеком. Создавая в городах приюты для одиноких и дома для оставшихся сирот, организуя совместные поселения, уходя в леса и горы, не ожидая помощи властей и государства, выращивая себе продукты и обеспечивая себе охрану, эти люди доказывали всему миру свое право на жизнь, совершая каждый день свой маленький подвиг. «Мишель Корпорэйшн» наблюдала за каждой

¹ Любовь несет обман и миру суету, Лишь только сон дает освобождение. Но как пройти свой путь, Забыв предназначенье, Как потерять себя в бескрайности мечты, И как забыть свои все устремленья... *Золотой город. Книга мертвых*. Перевод с тораксиса, здесь и далее перевод автора. Тораксис – язык Золотого города, прим. автора.

из этих групп, помогая, когда финансово, когда политически. На базе этих сообществ были созданы ОПБ – Организованные Поселения Будущего, для координации действий к которым были приставлены представители корпорации, в обязанности которых, кроме всего прочего, входило внедрение новой идеологии и правил. Членам ОПБ, под видом повышения иммунитета или вакцинации гриппа, уже были сделаны прививки от Чумы.

Еще в начале эпидемии, по инициативе «Мишель Корпорэйшн», страны по внутренней структуре были разделены на сектора, которые сходились к центру столицы. Между секторами существовали четкие границы, строго охраняемыми военными. В случае проникновения Чумы в сектор, военные уходили к другой границе, усиливая ее, сектор же куда попал вирус оставался на самовыживание. Крематории работали на пределе мощности, санитарные службы на пределе возможности. Мир неожиданно для себя подошел к грани. Сколько было теорий конца света, сколько ожидания опасности из вселенной, боязни метеоритов или земных катаклизмов, сколько изобретено оружия и вложено средств в подготовку очередных войн и поиска врагов, сколько было сказано политиками слов о силе и могуществе их народа и власти. Но разве кто-то из сильных мира сего, теоретиков, ученых и фантастов могли предположить, что так просто и незаметно пришедшие маленькие бактерии уничтожили большую часть человечества, а оставшуюся начали превращать в деградирующий вид. Да, возможно и могли, но никто не подумал об этом в серьез.

Король объявил о заключительном пятом этапе и стражи под предлогом Чумы начали уничтожать, тех, кто попал под определение паразиты общества. Наркоманы и алкоголики, агрессивные и психически нездоровые люди, политики с военными амбициями и военные не умеющие мыслить здраво, паникеры и религиозные фанатики, насильники и убийцы – списки уже были определены давно и механизм приведен в действие, теперь была объявлена заключительная зачистка тех, кто по случайности попал в защищаемые сектора.

Мишель смотрела в окно, по стеклу сбегали капельки дождя. В доме доносился смех Ваниль и детей, устроивших очередное соревнование по поиску сокровищ. В ее мире не было Чумы, не было слез и отчаяния, границы поместья охранялись, телевидение и интернет были дозированными. Ваниль контролировала детей, ее задача была организовать обучение на дому, со сдачей выездных экзаменов, физическую подготовку и досуг таким образом, чтобы те не замечали пробегаемых лет и событий вокруг. Уставшие они крепко засыпали, утром, проснувшись, снова садились за учебу, затем спортивные занятия и игры. В поместье для проживания были приглашены дети с других семей, поэтому недостатка в общении не было. Родителей же Ваниль постоянно загружала идеями – то организация нового розария, то расширение виноградников, то новые альпийские горки. Мишель печалил только брат, его постоянное желание находится в лабораториях компании, хотя он передвигался исключительно в сопровождении стража и людей корпорации. Прививка ему была уже сделана, но он слишком близко к сердцу принимал происходящее, он слишком переживал, что не мог ничего сделать, и это беспокоило ее.

Мишель ждала звонка, наблюдая за дождем и прислушиваясь как капли отбивают свой, заложенный в них природой, ритм, но, несмотря на это, было очень тихо. В ее мире тишины время не шло, оно остановилось и ждало, когда его немножечко подтолкнут. Мишель распорядилась, чтобы в кабинете поставили большие старинные деревянные часы, они плавно отсчитывали минута за минутой, что позволяло ей не потеряться в мыслях.

Дождь шел тихо и мягко... Можно было пойти позаниматься в зале, Эрик был прекрасный напарник, но его движения стали предсказуемыми, да и Мишель хотела, чтобы он был постоянно с братом. А вот со Стефани она бы потренировалась... Стефани... Мишель скучала по ней, не прекращаемое ощущение влечения и вовлечения в ее жизнь. Ей было жаль их разговоров. На редких встречах та вела себя отрешенно и холодно, ее мысли были полны обиды

и злости. Иногда Мишель замечала в ее взгляде блеск интереса, который на мгновение пробивался сквозь стену безразличия, но он быстро исчезал с взмахом ресниц.

«Стэф, Стеф, – если бы ты знала», – подумала Мишель и, постучав ноготками по телефону, вздохнув, села в кресло. Она откинулась на спинку, прикрыв глаза, прислушалась к звукам в доме – где-то на кухне стучала посуда, готовился обед, скоро вся семья соберётся в столовой. В это время Мишель никто никогда не беспокоил, все знали, что она работает, но когда она спускалась в гостиную и присоединялась к семье, говорить начинали все наперебой, пытаясь, опережая других, выложить главные новости. В этот момент Мишель всегда отключалась от их мыслей, оставляя им право на собственное пространство, и внимательно слушала каждого. Ваниль обычно садилась на углу стола, опиралась головой на ладони и влюбленно за всем наблюдала. Мишель знала, что у нее сохранился материнский инстинкт, который она со щедростью расходовала на ее детей, родителей, брата и саму Мишель. В этом доме Ваниль подчинялось все – распорядок дня жильцов, возникающие идеи и увлечения, обстановка, мебель, цветы на окнах, прислуга, собаки, порой казалось, что даже пыль оседала в тех местах, где она согласовывала. Ее легкий нрав, бесконечные затеи и постоянный смех превратил поместье в кусочек света, света, который потерял окружающий мир. Семья ее боготворила, да и сама Мишель, приезжая сюда, подчинялась беспрекословно ее правилам и настроению.

Часы мирно отсчитывали время, удар за ударом... Мишель встала и подошла к окну. Капли все так же медленно стекали по стеклу. Казалось, что все окружающее остановило движение, а дождь пытался напомнить о течении жизни. Правильно ли они поступили? Стоило ли это миллиардов жизней? Изменит ли это людей? Стоило ли это слез и страданий детей? Эти вопросы задавала она себе не раз. И каждый раз ответы были разные. Возможно, ошибка была в начале, когда они позволили им идти своей дорогой, но, сколько прекрасных творений, событий, изобретений, эмоцией и личностей это принесло. Но на другой чаше весов было зло, зло человека, заложенное в нем природой и повлекшее гибель также миллиардов жизней. Как можно найти однозначный ответ?

Мишель приоткрыла окно и почувствовала легкое дуновение влажного ветра, принесшее с собой еле уловимый аромат летних роз и лаванды. Постояв и насладившись чистотой воздуха, она вернулась в кресло и взяла в руки телефон. Холодный корпус, выложенная камнями эмблема Королевской Семьи, Мишель задумчиво пробежалась по ним пальцами. Красивый атрибут положения и власти, подарок Рауля, о цене которого она никогда не задумывалась, как, впрочем, о ценах на что-либо вообще, сейчас был бесполезен и его молчание ее злило. Повертев в руках, она отложила телефон и обернулась на дверь, та тихо отворилась и в кабинет вошла Ваниль.

– Ты в курсе, что современные средства связи позволяют передвигаться с ними по дому? – с иронией произнесла она, подошла и обняла Мишель, положив ей голову на плечо. – Сколько бы ты на него не смотрела, он зазвонит только тогда, когда Король сам решит набрать твой номер. Позвони ему, может быть, это ускорит принятие решения. Но лучше пошли вниз, скоро тебе будет не до нас, поэтому воспользуйся моментом тишины.

– Да, ты права.

Мишель встала. Ваниль критически ее осмотрела, поправила ей прическу и, взяв ее за руку, направилась к лестнице. И когда они уже спустились – раздался звонок. Настойчивая трель, пролетев по кабинету, спускалась вниз.

Мишель остановилась, и хотела было вернуться, но к ней навстречу, с шумом догоняя друг друга, выбежали из комнаты Софья и Александр, перебивая друг друга, дети взяли ее за руки и потянули за собой показывать законченный пазл. Это было огромное полотно, размером три на четыре метра, над которым они работали уже месяц.

Мишель бросила взгляд на Ваниль.

– Я сейчас принесу, – ответила та и направилась к лестнице.

– Нет, не надо, скажи, что я перезвоню, когда освобожусь...

Иранхара

День был солнечный, но не жаркий, что было не характерно для этого времени года. Легкий соленый ветер доносил с моря прохладу, захватывая по пути аромат с плантаций роз. В небе кружили птицы, дожидаясь команды хозяев и наслаждаясь только им известным зрелищем. Соколиная охота прошла удачно и даже весело, принцы давно не собирались вместе и, отложив все свои заботы, отдались безмятежному ощущению свободы и молодости. Воспользовавшись возможностью побыть наедине, они отпустили людей во дворец и решили искупаться в близлежащем озере, названном в честь их покойной матери Арзу.

Царь Иринарх очень любил свою жену, его скорбь была безутешна после того как она умерла при родах младшего сына. Он так и не женился повторно. Еще совсем молодым он покорил со своей армией эту страну, обосновался здесь, отстроил столицу, дав ей имя царицы. Правление Иринарха принесло мир и благополучие на эти одаренные богом земли, войн больше не было, и жители прозвали его мудрейшим и миролюбивейшим. Иринарх Миролюбивый или Иринарх Мудрый был жестким и справедливым правителем, но со временем устав от суеты он стал вести более уединенный образ жизни, разделив контроль над страной между собой, принцами и главным визирем Ингисом. Он считал, что еще при его жизни принцы должны научиться любить эти земли, с благодарностью принимать дары природы, грамотно и беспристрастно управлять поданными, и, конечно же, защищать страну от внешних врагов и внутренних разрушителей порядка.

В любви и заботе всего царского окружения, принцы выросли честными, образованными и трудолюбивыми наследниками, отважными войнами и ловкими охотниками. Средний сын царя женился рано на прекрасной Аружан, дочери правителя Сумары, государства граничащего с Иранхарой по югу. Царь Сумарлим был инициатором этого союза, когда его единственная дочь достигла расцвета, лично посетил с визитом Красный замок, где встретился с Иринархом и предложил принцессу в спутницы одному из принцев. Он знал, что все принцы свободны, и надеялся, что Аружан, создав семью со старшим, может стать царицей Иранхары. Иринарх же, выбравший себе супругу по любви, не настаивал на этом союзе и не возражал, оставив право выбора Нарату. Принцесса Сумары не впечатлила наследника короны, но к удаче Сумарлима принц Гутлеиф присутствовал при этом визите и спланированная встреча с одним переросла в чувства с другим. Это был брак по любви с первого взгляда, обещающий счастливую семейную жизнь Гутлеифу с красивыми и здоровыми наследниками. Иринарх подарил им на свадьбу Красный замок и земли юга страны. Царь был рад скорому браку Гутлеифа – от рождения сын был энергичным и вспыльчивым, а молодая жена должна была направить его энергию в нужное русло. Кроме того юг был слабым местом Иранхары, союз с Сумарой и постоянное нахождение там принца обеспечивало безопасность страны.

В эти дни во дворце шли приготовления еще к одной свадьбе. Младший сын царя Равшан, брал в жены дочь правителя Хельстеина, восточного соседа Иранхары. Печальные горы разделяли страны, и Хельсия была неопасна, но богатые леса и рудники делали этот союз желанным и выгодным, тем более что юная Бронуин приглянулась принцу. Иринарх хотел этого события еще и потому что Равшан становился необузданным в своих влечениях, количество его наложниц росло, а желания не остывали. Царь надеялся, что супруга и дети немного обуздают принца, тем более у Бронуин ожидался жесткий характер и, возможно, крепкая рука. Соседи Хельсии были ненадежны, а земли желанны, поэтому хельстеинцы буквально с рождения садились в седло, участвовали в охоте и крепко держали меч в руке. Принцесса не была исключением.

Иринарх перестроил Черный замок на границе, сделав его более уютным и пригодным для проживания, поставил дополнительные башни в замке и у ворот на границе, проложил

новые дороги и готовился преподнести восточную часть страны своему сыну в качестве свадебного дара. Гости уже собрались на церемонию, прибыли и Хелстеин с Броонуин, оставив страну на принца Ансельма, старшего сына правителя.

Переполох в городе и свадебные приготовления утомили принцев, и они отпросились у отца поохотиться в день перед торжественным обрядом. Иринарх не стал возражать против этого развлечения, рассудив, что вскоре сыновья будут поглощены семейными заботами, рождением наследников и редко будут встречаться.

После утренних скачек все устали, да и солнце было высоко, поэтому лошади шли медленно, а братья, неспешно ведя беседу, находились в предвкушении купания в чистом как слеза и прохладном озере Арзу. Разговор шел о наложницах и развлечениях, что дополнительно разгорячало их головы. Подъехав к озеру, они с удивлением увидели среди окружающих его осколков скалы одинокий белый с красной каймой шатер.

Принцы огляделись, спешились, постояли, прислушиваясь к окружающим звукам, и направились к шатру. В этот момент из него вышла девушка. У братьев разом упало сердце – черные как воронье крыло волосы водопадом спадали на фарфоровые плечи и спину незнакомки, защищая от посторонних взглядов точеную фигуру, прикрытую только легкой изумрудной туникой, большие глаза цвета и глубины находящегося рядом озера, смотрели мягко и заинтересованно. Судя по золотым украшениям на руках и шее, она была из знатного рода. Девушка открыто улыбнулась:

– О, прекраснейшие, я как раз собралась искупаться, вы не составите мне компанию? – она прошла взглядом по братьям и остановилась на Равшане. – Великодушно простите нас за вторжение, мы с сестрой ваши северные соседи, принцессы из Феерии. Охотились, немного устали и решили искупаться в таком прекрасном озере.

От ее взгляда у принца сначала остановилось, потом бешено заколотилось сердце, и он не смог произнести ни слова. Первым нашелся Гутлеиф:

– Вы вторглись на наши земли, в этом озере разрешается купаться только семье Иринарха. Мы должны взять вас в плен и доставить к царю.

– Взять в плен? – девушка улыбнулась и, развернувшись, медленно вошла в озеро. – Хорошая идея, такие игры тоже есть..., – она взглянула через плечо на Равшана, – но только если мы этого захотим.

Вызов и бесцеремонность тона Равшан не заметил, он ощутил себя песком, рассыпающимся под ветром с протянутой руки, он был покорен. Зато Гутлеифа этот тон возмутил, он шагнул к озеру, но тут же остановился, увидев другую незнакомку, выходящую из-за большого камня справа. Нарат и Гутлеиф переглянулись.

Вторая девушка была полной противоположностью первой – кожа покрыта легким загаром, глаза цвета шоколада и волосы, такие волосы не встречались ни в Иранхаре, ни в близлежащих землях, длинные прямые и белые с легким молочным оттенком. Феерийка была в мокрой золотой тунике, которая не скрывала, а наоборот подчеркивала ее прекрасное тело, только грудь была прикрыта длинными прядями волос. Руки и ноги украшал дорогой орнамент из золота и хны, а на талии поблескивала золотая цепь с алмазом в центре, переливающимся на солнце тысячами граней. Но камень не мог затмить блеска ее глаз.

– Ой, ой, ой..., – протянула незнакомка, – у вас так принято встречать принцесс? Поверьте, мы не специально к вам заехали. Совершенно случайно наткнулись на проход в скале и решили посмотреть, что там дальше. Любопытство присуще женщинам. Не так ли? – она подмигнула и улыбнулась Нарату. – Затем мы настолько углубились, что буквально изнемогали от усталости, а тут такое прекрасное озеро на пути. Ну почему бы не воспользоваться таким чудом природы? Вы уж нас действительно извините, мы по незнанию нарушили ваш закон.

– Но это не меняет сути, – сердито ответил Гутлеиф. – Вам нужно с нами проследовать во дворец.

– Зачем, если не секрет? – усмехнувшись, поддела его девушка.

– Вы на нашей территории, значит наши пленницы, – сказал Нарат мягко и сделал шаг в сторону феерийки.

В этот момент сверху на камнях со всех сторон появились лучники. Принцы встали рядом и достали мечи. Вокруг повисла тишина, прерываемая криком птиц.

– Ой! Вот теперь вы наши пленники! – немного помолчав и закончив плавать, произнесла синеокая красавица. – А все так хорошо начиналось, солнце, вода, прекрасные принцы...

Она вышла из озера, отчего у принцев еще сильнее заколотилось сердце, подошла к светленькой и нежно провела рукой по ее волосам:

– Не хочется портить такой изумительный день, дорогая.

Темноокая принцесса пристально посмотрела в глаза Нарата и мягко произнесла:

– Вы конечно очень храбрые и сильные принцы, но лучников больше чем вас...

– Это не важно, мы успеем постоять за себя и вам несдобровать, – перебил ее Гутлеиф.

– ... Феерия страна маленькая и у нас мало воинов, но каждый из них стоит десятых...

– Тем приятнее будет сражение, – опять перебил ее принц.

– Не думаю, – холодно промолвила вторая принцесса. – Ты не умеешь слушать принц. Да, Феерия страна не большая, армия у нас маленькая, но наши воины обучены бить без промаха, да и Черный поцелуй им в помощь. Возможно, использовать яд против принцев не очень благоприятно, но согласитесь, нападение на принцесс тоже подвигом не назовешь.

– Это верно, на наконецниках стрел яд, мы не рискуем зря нашими людьми. Так что шансов у вас, мудрейшие, сказать прямо, мало, – добавила, приподняв бровь, светловолосая красавица. – Но не будем ссориться. Давайте сыграем на мечах, в нашей стране это называется Акинак. Четыре коротких меча и один длинный, но вы можете использовать любое удобное вам оружие, – принцесса помолчала, не отводя взгляда от Нарата. – Я вызываю одного из вас, мне без разницы. Победит ваш брат – мы ваши пленницы, а хотите наложницы, одного из вас или всех сразу...

От этих слов у принцев что-то перекрутило в горле, и закружилась голова. Равшан быстро начал обдумывать, что он может предложить братьям, чтобы выкупить у них синеокою – он не хотел ее ни с кем делить.

– ...Если проиграет, – продолжала принцесса, – он будет принадлежать мне. И если мы и согласимся навестить почтенного Иринарха, то только по собственному желанию и покинем его тогда, когда захотим, на то будет ваше слово.

– С женщинами мы не сражаемся, – сердито пробурчал Гутлеиф. – Мы лучше разберемся с вашей стражей.

– Но и зря, они многому могут научить, в том числе тебя принц. К слову, феерийцы не делятся на женщин и мужчин, они делятся на воинов и не воинов. Поверьте, такое разделение для страны приносит больше пользы.

– Ну, зачем же такие сложности, – будто пропела голубоглазая, отжимая воду с волос, отчего ее тело, прикрытое прозрачной мокрой туникой предстало во всей своей обнаженности и красе. – Но, может быть, вы боитесь Акинака с моей сестрой?

Равшан окончательно потерялся в мыслях, Гутлеиф впервые не нашел, что сказать, принцы пристально следили за каждым движением красавицы. Нарат же покраснел, не отводя взгляда от глубоких, словно ночь, глаз принцессы, затем побледнел и, блеснув в гневе глазами, согласился:

– Хорошо, будь по-вашему, условия меня устраивают, даю слово, что все будет соблюдено так, как вы пожелали, прекраснейшая.

Братья также произнесли слова клятвы и убрали мечи в ножны.

Черноволосая феерийка дала знак лучникам, воины опустили луки, спустились на землю, поклонились принцам и отошли в сторону.

«Так одно слово, одно неверно сделанное движение и распыленное мужское самолюбие, может изменить судьбу империи», – со вздохом подумала светловолосая принцесса и направилась в шатер переодеться.

Когда девушка вышла из шатра, ее волосы были убраны в косу, на ней была легкая кольчуга, украшенная россыпью красных и белых камней, сандалии, обвивающие золотыми шнурами икры, короткие мечи располагались в кожаных ножнах, расположенных вместо браслетов на руках и ногах. Нарат подумал, что ничего более прекрасного в своей жизни он не видел, но вслух произнес:

– Красивое платье, жаль, если я его испорчу... – и осекся, увидев изогнутый меч за ее спиной.

Они встали напротив друг друга. Незнакомка улыбнулась, и в ее глазах блеснул задорный огонек:

– Ну что начали...

Нарат, нанеся первый удар, затем еще и еще... Удары были сильные, он хотел быстрее со всем этим закончить. Улыбка принцессы его раздражала, хотя другое глубокое и непонятное ему чувство уже зародилось в его сердце.

Девушка с легкостью и быстротой отражала его удары, ее движения были точны и отчеканены, взгляд сосредоточен и насмешлив, казалось, она не сражалась, а танцевала.

«Бог мог», – подумал Нарат, – «а какова она в постели...». И его защемило чувство ревности ко всем мужчинам, которые у нее возможно были. Он пытался сосредоточиться на мече, но его мысли то и дело улетали в другом направлении.

Принцесса улыбалась и один раз подмигнула принцу, когда ее меч рассек его кафтан по плечу, это еще сильнее его зажгло. Их Акинак перешел в танец страсти, удары наносились со всей силой, движения были быстры и наполнены энергией, наблюдавшим уже казалось, что между этими двумя сражение идет за что-то очень личное, касающееся только их одних и весь мир для них перестал существовать.

Тем временем, синеокая подошла к Равшану и встала рядом. Принц чувствовал прохладу ее тела и мягкость дыхания, он застыл, боясь, что если он пошевелится, то мираж рассеется.

– Я предлагаю, когда все закончится, всем вместе искупаться в этом чудесном озере, это снимет напряжение и померит нас, – тихо произнесла она, блеснув взглядом. – А то мы как-то неправильно начали нашу историю...

Равшан только и смог что кивнуть в ответ.

Нарат уже стал уставать, а принцесса была также свежа и легка. Его мысль о том, что все закончится быстро, казалась для него уже смешной. У него было несколько осязаемых царапин по спине, срезаны ножны с пояса и оторван рукав, в один из моментов он потерял второй меч. Он не мог понять технику боя принцессы, а вот она, казалось, его уже изучила прекрасно. Вдруг знакомка резко отпрыгнула назад, оттолкнулась от большого камня и, с легкостью перевернувшись в воздухе, приземлилась за принцем спиной к нему. Затем разбежалась, еще раз оттолкнулась от противоположного осколка скалы и, в тот момент, когда принц пытался повернуться к ней, сбив его с ног, нанеся рукояткой кинжала удар ему в голову, а когда тот упал, приставила клинок к его горлу.

Нарат лежал на земле, не понимая, как это получилось, хотя для него это было уже не важно, она победила, и он принадлежал этой самой прекрасной на свете женщине. Он развел руки и рассмеялся. Вслед за ним улыбнулись братья.

– Принцессы мое вам почтение! – крикнул Гутлеиф, сняв оружие и сбрасывая одежду. – Предлагаю все-таки искупаться!

Принц побежал к озеру, к нему со смехом присоединились Равшан и синеокая знакомка.

Нарат же продолжал лежать на земле и восхищенно разглядывал стоящую над ним принцессу:

– И как же зовут мою повелительницу?

– Соломея, – задумчиво ответила девушка и вставила кинжалы в ножны.

Болдр

Сквозь листья деревьев мягко просачивался свет, играя солнечными зайчиками на тропе. Лошади шли медленно, мягко и беззвучно ступая, чтобы не создавать лишнего шума в замершем в ожидании лесе. Болдр любил тишину, и сейчас погрузившись в нее, наблюдал за игрой зелени и солнца. Редкий птичий щебет и время от времени появляющиеся мелкие зверки сопровождали принцев в их пути.

Болдр оглядел братьев. Риваль был хмур и задумчив, ему не нравилась их затея, он считал, что нужно было взять с собой больше людей и окружить лесной домик плотным кольцом. Даррелл же в противоположность ему был в приподнятом настроении и его глаза блестели ожиданием предстоящей встречи.

Сколько раз они надеялись на эту встречу. И сейчас, когда осталось совсем недолго, Болдр волновался, что что-то может помешать. Его тревожило и то, что они могли опять ошибиться или то, что она могла опять уйти.

Они скучали по ней, конечно не так как отец, но им недоставало ее и, больше всего, угнетала неизвестность. Смерть близкого, когда ты понимаешь, что произошло, хотя и не принимаешь факт случившегося, когда ты видел его тело, ощущая его холод и отстраненность, или дотрагивался до него, ловя последнее дыхание его жизни, все это, так или иначе, фиксирует факт произошедшего. Со временем принимаешь или привыкаешь к мысли, что его нет. Самая худшая из трагедий, когда ты не знаешь, что произошло, когда неизвестность случившегося заслоняет все мысли и события, когда не можешь ответить на свои вопросы, а самое главное, когда ты не знаешь, стоит ли надеяться, печалиться или злиться, когда отчаяние и беспомощность поселяются в твоей душе вместе с надеждой.

Так было с Силайн...

Утром по традиции перед охотой они собрались в тронном зале. Силайн в очередной раз была обижена на Короля, что тот не берет ее с собой. В последнее время этот разговор также стал традиционным.

– Я здесь как в клетке, – высказывала она, – но почему и как долго это будет продолжаться?! Мне ничего не угрожает и, тем более, я буду рядом с тобой!

– Можно я буду сам решать – угрожает или нет тебе что-то, – спокойно ответил Рауль. – Идет война, а ты самое уязвимое наше место.

– Ну, действительно, мам, мы хотим просто развеяться и отдохнуть, а когда ты рядом, мы будем только напряженно за тобой наблюдать, – добавил Риваль.

– Вот оно как! И с каких это пор за мной нужно наблюдать! Это за вами нужно следить, чтобы друг в друга не попали!

– Ты не поняла меня, мы будем волноваться, если вдруг ты исчезнешь из вида. Ты не сможешь постоянно быть на глазах. Я знаю тебя. Тебя потянет что-нибудь где-нибудь посмотреть. Лес, конечно, принадлежит нам, но мы до сих пор не знаем, кто убил Атаназа.

– Риваль, мы этого не знаем точно, возможно он жив. В любом случае, это не повод меня здесь запирать. Я устала быть постоянно под присмотром. Вы контролируете каждый мой шаг. Так нельзя! Я... я просто хочу выехать из этих стен!

– Хочешь, я останусь с тобой, – предложил Болдр.

– Хочу, – ответила она, понимая бесполезность дальнейшей дискуссии.

Болдр улыбнулся. Каждый раз Силайн начинала этот разговор, как будто проверяя решимость Короля, затем кто-то из принцев, предлагал ей остаться и она с радостью, или с обреченностью, соглашалась.

– Ну, вот и хорошо, – обрадовался Король. – Мы отправимся недалеко, до озера и обратно, к вечеру будем в замке. Вы можете подготовить к нашему приезду небольшой пир, с музыкой и красивыми девушками. С теми, кого привез недавно Даррелл.

Даррелл подмигнул Болдру, поцеловал Силайн и вышел, за ним последовал Риваль.

– Ну, пойми, ты самое дорогое, что у меня есть. Мне спокойней, когда ты в замке, в окружении стражей. Будут времена, когда мы будем вдвоем охотиться или отправимся путешествовать. У нас с тобой еще столько интересного впереди. Потерпи немного, война подходит к концу.

Король взял ее лицо в ладони и поцеловал.

– Я все-таки настаиваю, что бы ты короновалась, – добавил он, поправляя ножны.

– Мы обсудим это позже.

– У нас трое принцев, а ты продолжаешь откладывать этот разговор.

– Но какой смысл в этой коронации, я и так твоя.

– Да ты моя королева, но я хочу, чтобы тебе присягнули на верность и остальные таарвиты.

– Хорошо, когда закончиться война, и мы соберем первый бал, тогда все присягнут тебе и мне, – с улыбкой согласилась Силайн и, обняв Рауля, добавила, – мы это уже обсуждали.

Король задумчиво посмотрел ей в глаза, поцеловал и, махнув головой Болдру, вышел из комнаты.

Дальше день шел в привычном распорядке. Проводив Короля и принцев, Болдр и Силайн провели пару спаррингов на мечях. Силайн один раз выиграла и один проиграла, но Болдр знал, что во второй раз она уступила, потому что хотела побыстрее закончить и остаться наедине со своими мыслями. Она еще сердилась, что ее не взяли на охоту, в этот раз дольше, чем обычно. Принц не стал настаивать, ему самому хотелось быстрее заняться подготовкой маленького вечернего праздника, все детали он уже прокрутил в голове, и ему не терпелось раздать необходимые распоряжения.

Поцеловав Болдра, Силайн отправилась в оранжерею, немного поухаживать за своими питомцами – коллекцией роз и орхидей.

Он часто вспоминал этот момент во всех деталях, и сейчас память вернула его туда вновь – уходя, Силайн оглянулась и улыбнулась, и принц привычно заворочено залюбовался ею. Ее голубые глаза, ясные как небо в солнечную погоду, светились добротой и нежностью. Длинные пшеничного цвета волосы выбились во время спарринга из косы и небрежно торчали, завоевывая свободу, но это не портило ее, а наоборот придавало особое очарование. Такой она была редко. Обычно прическа Силайн была тщательно уложена, и каждый волосок четко находился на своем месте, глаза смотрели бездонным взглядом, холодным и пронизывающим для посторонних и более теплым, но не менее внимательным для своих родных. Когда Болдр был маленький его пугал ее взгляд, он не мог понять, что в нем таилось, как будто бы она пыталась проникнуть в его сущность и отыскать там, что-то потерянное или подозрительное. Но повзрослев, он увидел в нем глубокую заботу и внимание. Взгляда Силайн боялись, понимая, что она видит всю глубину стоящего перед ней, но принцы научились видеть в его холоде бесконечную любовь, а иногда и искорки смеха или иронии.

Она развернулась и, махнув ему рукой, ушла, а Болдр еще некоторое время мысленно любовался ее полными губами и легкими веснушками, но при этом ему почему-то стало грустно. Он подумал, что нужно было пойти с ней и составить ей компанию, но затем его мысли переключились на предстоящий вечер и принц решил отправиться в оранжерею чуть позже, предварительно дав несколько указаний стражам. За этот момент он столько раз корил себя, проклинал, ненавидел и страдал. Позже Болдр дал себе слово, что всегда будет доверять своей интуиции, но тогда... Тогда он себя не послушал и отправился посмотреть на новых танцовщиц, привезенных Дарреллом.

Он не заметил, как быстро прошло время, через пару часов, он пошел за Силайн в оранжерею. Но там ее не было. Он прошел весь парк, затем поднялся в ее комнату и вернулся в тронный зал, но ее не нашел. Почувствовав тревогу, он собрал стражей и велел искать ее. Они осмотрели все комнаты и постройки во дворе, хранилища замка и стойла, храм и еще раз оранжерею и парк. Прошли вдоль стены с обеих сторон, но ее нигде не было.

Болдр прошел по замку, оранжерее и парку еще пару раз, но не нашел ни следов, ни признаков пребывания где-либо Силайн. К моменту приезда Короля было ясно, что его сестра пропала, но была еще надежда, что она, обойдя стражу, выехала встречать Рауля лично. Хотя принц понимал, что с ним бы она так не поступила, в конце концов, оставила бы записку.

Болдр встретил Короля и братьев у главных ворот, они весело обсуждали прошедший день и остановились как вкопанные, когда увидели помрачневшего и в момент постаревшего принца.

– Что случилось? – спросил, нахмурившись, Король.

Но принц ничего не смог ответить, он опустил глаза и только через год он смог произнести первую фразу: «Я подвел тебя, я потерял ее».

Дальше дни слились с ночами, месяцы и годы выстроились в единую линию. Силайн искали везде и постоянно, но безрезультатно. Не было ни признаков и не зацепок, говоривших о том, куда она могла пропасть. Сначала у всех было ощущение, что она вышла в соседнюю комнату и вот-вот должна вернуться. Но потом у каждого из них были свои чувства – недоумение, злость, отчаяние, обида, непонимание, бессилие, пустота... И надежда, надежда на то, что однажды они найдут ответы на все вопросы...

Этот домик в лесу обнаружил Даррелл во время своего возвращения с северных земель, но подходить к нему не стал, боясь спугнуть жителей. Он долго наблюдал за ним и понял, точнее, почувствовал, что там живет жевгар. Вернувшись в замок, он собрал братьев и все им рассказал. Одной из теорий исчезновения Силайн была принадлежность ее к жевгар. А жевгар, согласно своей клятве, всегда должны были возвращаться в Золотой город, а также согласно легендам они были свободолюбивы и не могли долго жить в Семье. Последнее было сомнительно, а Золотой город был разрушен в начале Великой войны, но братья цеплялись за любые предположения и идеи, поэтому в очередной раз отправились на поиски жевгар, а возможно и Силайн. Попыток найти жительство Золотого города было сделано множество, но они все были безрезультатны – либо принцы ошибались, либо жевгар, почувствовав их приближение, уходили, можно сказать исчезали без следа.

За несколько миль до места назначения принцы спешили и, оставив коней, направились к лесному домику. Бесшумно ступая, они обошли вокруг хижины. Затем Даррелл остался снаружи у единственного окна, а Риваль и Болдр подошли к двери и прислушались. В этот раз Болдр чувствовал, что там внутри кто-то есть. Возможно тот, кто им нужен.

Иранхара

Кони шли медленно, задумчиво переставляя копыта и прислушиваясь к неспешной беседе всадников. Воздух, облака, окружающая природа словно замерли и готовились ко сну – ни движения ветра, ни полета птицы, ни пробегающего зверя. Люди ослабили поводья, наслаждаясь ровной дорогой и наступающим вечером.

Впереди уже виднелись оливковые сады Иранхары. Гутлеиф, пытаясь сгладить свое высокомерное поведение, продемонстрированное им при их встрече, сейчас старался быть максимально внимательным и обаятельным. Братья его не узнавали, дивясь, как он разговорился. Принц в красках описывал принцессам страну, ее границы, земли и историю.

– Царь Иринарх, прибыл из-за Узкого моря, – рассказывал он, – со своей армией, достаточно большой по тем временам, оставив свою страну Бруэдору, сыну его отца от второй жены. Он считал, что два брата на один трон сесть не могут, а значит, будет вражда и междоусобица, да и по своей природе Иринарх всегда был деятельным и энергичным, так что земли его отца для него были слишком малы, но это к слову. Иринарх любил своего младшего брата, считая его умным и благородным правителем, поэтому после смерти отца, построил несколько десятков галер и переправился со своими людьми через Узкое море, как раз туда, где сейчас находится Красный замок. Там было небольшое поселение во главе с уже состарившимся и умирающим владыкой, у того не было сыновей, но была очень красивая дочь – прекрасная Арзу. Иринарх полюбил ее и женился на ней, обосновавшись в тех местах и увеличив тем самым свою армию. Это был его единственный брак, остальные земли он захватил постепенно, полностью уничтожив местные поселения. Их было много, но они были все разрозненными, со своими правителями, законами и амбициями. Некоторые из них даже враждовали...

– Такие же маленькие, как Феерия, – улыбнувшись Синклар, дополнил рассказ брата Равшан. – Впрочем, он уничтожил только мужскую часть населения, а часть женщин, здоровых и молодых, оставил своим воинам в жены, поэтому местные женщины голубоглазые с волосами цвета шоколада, а мужчины с цветом глаз чуть темнее, но со светлыми, цвета песка волосами. Странно, что дети так и рождаются – мальчики со светлыми волосами, девочки с шоколадными...

Некоторое время все молчали, будто обдумывая эту странность, а затем Гутлеиф продолжил:

– Отец покорил всю эту территорию быстро и обосновался в одном из маленьких городков на побережье, постепенно отстроив его и сделав столицей. Этот город он назвал в честь своей царицы – Арзу, а страну своим именем, что должно было постоянно напоминать о могуществе нового владыки, в том числе оставшимся в живых. Больше войн здесь не было. Впрочем, Иранхара почти неприступна. Слабое место с юга охраняет Красный замок и отстроенные там крепостные стены переходят в Печальные горы, которые стоят непрерывной и не покоряемой стеной. Затем есть проход в страну, но там поставили Черный замок и крепость с огромными двойными воротами, через которые пропускают только гостей и купцов. Далее идут Золотые горы, они также идут неразрывной стеной, входя глубоко в море. Ну, почти неразрывной, – принц подмигнул Синклар. – Надо будет закрыть этот пролом и оставить вас здесь. К слову, сразу за Печальными горами, примыкая к Воротам Иранхары, находится Лесная страна правителя Хелстеина. На его дочери Бронуин на восходе идущего впереди дня и женится Равшан. Она конечно еще очень юна, но Хелстеин очень болен и, вполне возможно, через несколько лун умрет. Он хочет быть уверен, что его стране, которую он оставит сыну Ансельму, ничто не угрожает, по крайней мере, с нашей стороны. Ну и союзник мы надежный...

– Наивный, как будто семейные союзы в этом мире что-нибудь да меняют, – мрачно вставил Равшан.

– ...Так, что, прекрасные принцессы вы попали на царское торжество, прославляющее союз двух сердец и стран, – продолжил Гутлеиф, бросив вопросительный взгляд на Равшана. – Мы приглашаем вас как почетных гостей. Вы увидите Арзу во всем великолепии, а его жителей в самых лучших платьях. Можно даже сказать, что этот праздник и в честь нашей встречи. Вы же не против?

– Похоже, что мы сами себя пригласили, – произнесла в ответ Соломея.

– А море? – спросила Синклар, посмотрев через плечо на принцессу.

– Море, охраняет эту страну, как и вся окружающая природа, – ответил Гутлеиф. – Вдоль всего побережья под водой очень близко к поверхности идут скалы, есть несколько путей, по которым проходят наши лады. Тех, кто хочет к нам попасть морским путем, мы предварительно проверяем, а потом уже проводники провожают их до пристани. Возможностей напасть на нас с моря меньше чем с гор. У отца не было бы шанса победить эту страну, если бы местные правители не враждовали между собой, а объединились. Хотя некоторые из них и были в союзах, но союзы эти были номинальные... Это благословенное место – погода ровная и предсказуемая, много плодородных земель, степи щедрые для охотников, горы дают камни, металл, серебро и золото, – закончил принц.

– Горы действительно блестят на солнце как золотые, но это не золото, – задумчиво произнесла Соломея. – Красивая видимость, прикрывающая суть.

– Да, моя госпожа, там нет золота. Наши рудники находятся в Печальных горах. А Золотые горы, несмотря на свое название, блестят не от этого металла, а от камней, их испокон называют Слезы. Наши мастера их расплавляют и получают прозрачное вещество, чистое и крепкое, которое, когда оно затвердевает, мы вставляем в окна. А если добавить металл, то получаются очень необычные украшения, нам это приносит хороший доход, – спешиваясь, подтвердил Нарат, не обращая внимания на вторую часть фразы принцессы. Он помог Соломее спуститься, предложив сделать это и остальным. Принц заметил, что Равшан не в настроении, и решил дать ему время подготовиться к встрече с отцом и невестой.

– До города совсем недалеко, за садами начинается большое поле, видите, стены города уже видны, – Нарат показал в сторону виднеющихся на фоне ровного голубого неба куполов Арзу. – Предлагаю пройтись немного, а я расскажу вам подробнее о Слезах Золотых гор.

Все спешили, и некоторое время молча рассматривали золотые купала города, принцессы в восхищении, принцы, погрузившись в планы, меняющие их будущее. Затем они неспешно направились к городу.

– Это легенда местного народа, – начал Нарат. – У морского владыки были дочери, золотоволосые нимфы, которыми он очень гордился, любил, одаривал подарками и вниманием, но отдавать замуж не хотел. Он не видел достойных претендентов. Окруженные богатством и вниманием отца нимфы жили счастливо и безмятежно, отец же их полагал, что так будет всегда. Но девушки повзрослели, и природа взяла свое. Любовь всегда меняет планы и богов и людей..., – Принц потрепал гриву своего скакуна и продолжил, – нимфы начали бегать на свидание к лесным жителям, выбрав себе милых по душе юношей. Однажды морской бог гостил у своего брата на небе и увидел, как девушки выходят из воды и бегут по равнине к лесу, а навстречу к ним бегут молодые парни. Он разозлился на такое коварство и неблагодарность с их стороны и одним ударом жезла превратил влюбленных в скалы. Дочерей морского владыки люди стали называть Золотыми горами. Стройные и высокие они выходят из моря и стремятся на восток, а навстречу им идут Печальные горы, крепкие, темные и широкие, это лесные юноши, которые никогда не достигнут своих любимых...

– Красиво... – тихо промолвила Соломея.

– Да, и проход в Иранхару, расположенный между этими горами, тому свидетельство. Но это еще не все, – вмешался в рассказ Гутлеиф. – Одной из сестер не понравилось такое решение отца, и она, уже будучи, скалой, начала медленно отходить от остальных, проявив тем самым непокорность. Год за годом она удалялась все дальше, но однажды бог на небе увидел это и чтобы брат его, морской владыка, не расстроился от такого своеволия дочери, ударил молнией по этой скале, и она раскололась на большие осколки. Из ее сердца образовалось озеро, чистое, глубокое, прозрачное и всегда одинаково теплое. А Золотые горы до сих пор плачут по погибшей сестре, их слезы выделяются из камней и блестят на солнце днем и ночью при свете Луны.

– Возможно, она стояла на месте того прохода, через который вы, прекрасные принцессы, к нам попали, – вернул себе слово Нарат. – После смерти нашей матери, отец был очень опечален. Однажды, чтобы развеяться, он охотился в тех краях и наткнулся на это озеро. Дав ему имя Арзу, Иринарх объявил его достоянием царской семьи, жителям и гостям страны к нему нельзя приближаться на расстоянии человеческого взгляда...

– Вот поэтому ваше появление сегодня, наши очаровательные гости, было очень неожиданным, – перебил брата Гутлеиф и, улыбнувшись, посмотрел на феериек. – Прошу всей душой, поймите и простите нас.

– Бывают разные ситуации, – снисходительно заметила Синклар. – Некоторые очень даже неожиданные.

– Неожиданности меняют привычное течение жизни. И мне кажется, вы измените наши судьбы, мою точно, – тихо произнес Нарат. Остановившись и взяв руку Соломеи, он впервые за всю дорогу посмотрел ей в глаза.

– Люди сами меняют свои судьбы своими мыслями и действиями, – улыбнулась принцесса. – Встречи и события это всего лишь следствие, а не причина.

Альвильда

Она стояла на носу корабля и смотрела, как судно мягко разрезает воду. Сегодня море было нежным и спокойным, и казалось, что сквозь его синеву можно было разглядеть его сердце. В нем чувствовалось спокойствие, свойственное стихии в период отдыха. Она любила море, могла определить его настроение по цвету воды и запаху ласкающего ее ветра, и море отвечало ей взаимностью, нежно оберегая и предупреждая задолго об изменении своего настроения.

Легкий ветер надувал паруса и нес «Фаусту» в заданном направлении.

Альвильде нравился этот корабль, и она была опечалена предстоящим расставанием. До него у них была одномачтовая галера «Судьба», быстроходная и легкая она не давала шансов себя догнать, могла появиться неожиданно и исчезнуть не оставляя следа, они долго ходили под ее парусом. Но однажды к ним в команду нанялся человек, который рассказал о быстрейшем и красивейшем, по его мнению, судне «Фауста».

Они долго ходили за ним следом, но корабль был неуловим и останавливался только в больших охраняемых портах. Но однажды удача изменила «Фаусте», а началось все с того, что капитан «Фаусты» Бара в одном из портов влюбился в пышногрудую и черноокою Мэри и решил отойти от дел. Но Мэри была из приличной семьи и за нее давали хорошее наследство, а вот состояние Бара было не так велико. И тогда он увлекся идеей найти клад. Бара скупал карты и рукописи, где, так или иначе, упоминалось о пиратских сокровищах и затонувших судах, и каждый вечер воздавал с мольбою всевышнему, прося, чтобы тот указал ему путь, взамен обещая отстроить часовню или даже храм, в зависимости от величины дохода. И вот его мольбы были услышаны. В один из вечеров ему подвернулась удача – к нему пришла информация о тайнике одного из самых известных, и по слухам самого богатого, пирата Алана.

Бара, являясь человеком, несомненно, отважным и быстро соображающим, но ум часто подводит, когда речь идет о золоте, несмотря на возможную опасность, решил один добыть сокровища пирата. Он с его командой, держа это в тайне, отправились в долгое и изнурительное путешествие к острову, где знаменитый свободный капитан хранил свою добычу. Эти известия принес на борт «Фаусты» один из людей Алана, очень обиженный на своего бывшего капитана и выгнанный им с корабля. Он же нарисовал примерную карту острова и согласился лично их сопроводить, естественно за большую долю сокровища. Бара был согласен на любой размер вознаграждения, ведь он планировал убить информатора, которого, к слову, звали Фаррел.

В один прекрасный солнечный день «Фауста» встала на якорь около одного из островов Индийского моря². Вся команда, уставшая и измотанная от долгого путешествия и как следствие потерявшая бдительность, во главе с капитаном сошли на берег и отправились вглубь острова, где в глубине горы находилась пещера с добычей Алана. Пещера с сокровищами действительно была там. Сундуки с золотыми монетами и кольцами, цепями и браслетами, камнями и жемчужными ожерельями, золотые чаши и серебряные кубки, бочонки с ромом и амфоры с вином – все это ввело команду в состояние неистового веселья и пьянства. Даже Бара, обычно не употребляющий крепкие напитки, выпил второй—третий кубок крепкого южного вина и закусил находящимися там сладостями, при этом даже не подумал, как могли сохраниться свежими в пещере восточные лакомства. Никто не заметил, когда исчез Фаррел. Уставшие и выпившие почти все находящиеся в пещере напитки, люди уснули. Через день, когда капитан Бара с командой, грузенной мешками с сокровищами, вышел на берег «Фаусты» там не оказалось. Как в прочем и шлюпок и каких-либо кораблей в ближайшие лет сорок.

² В современной терминологии Индийский океан, прим. автора.

Двухмачтовая каравелла с огромными парусами, послушная и легкая в управлении, «Фауста» была свободная как ветер и маневренная как маленький кораблик в руках ребенка, на верхней палубе у нее крепилось несколько пушек, что делало ее еще и опасной. Ее любило море, даря ей хорошую погоду и удачу, ее любила команда и, что естественно, любил капитан.

Альвильда гордилась своим кораблем, но время шло и на смену легким и изящным каравеллам пришли большие парусные суда, в портах их называли каракки; мощные и устойчивые трехмачтовые хорошо вооружённые корабли, которым были не страшны ни бури, ни расстояния. Парус одного из них и увидел как-то Алан на горизонте. «Фауста» не стала близко приближаться, но долго шла следом, держась на почтительном расстоянии. В одном из прибрежных городков Альвильда выяснила, что имя этому таинственному кораблю «Звезда».

Высокий и грациозный корабль с тремя палубами и рядами пушек по обеим сторонам, с фигурой Амфитриты на носу, представляла собой вершину технической мысли человека. Алан заболел «Звездой», он носился по морю пытаясь найти след судна, изучал пути ее передвижения. Но сложив все, понял, что у «Фаусты» нет шансов его победить в ближнем бою, и даже если он объединится с другими свободными капитанами, они не смогут загнать этот корабль в ловушку или догнать, если тот решит от них скрыться.

Тогда Альвильда и предложила захватить его иначе.

– Это корабль тебе нравится и не дает покоя уже столько времени, давай я тебе его подарю, – сказала она в один из редких дней, когда они остались вдвоем на берегу, а их команда ушла на охоту вглубь острова.

Алан посмотрел на нее вопросительно.

– Это намного проще, чем ты думаешь. Я первая проникну на корабль. Возьму с собой, скажем Фаррела, а вы подойдете позже по сигналу, нам нужен только торговый корабль... – и она подробно рассказала ему о своей идее.

Алан был в восторге, его смущало только то, что они расстанутся на некоторое время, но «Звезда» его манила сильнее всех сомнений. Тем более в этот раз очередь быть капитаном была его. По заведенной между ними традиции на каждом новом корабле они менялись капитанством. В первый раз, познакомившись у берегов Бхарат³, они бросили монетку, и первенство выпало Алану, затем его сменила Альвильда и так каждый раз по очереди.

Они рассчитали путь, по которому должна была пройти «Звезда», и, предугадав нужный момент, подожгли подготовленное торговое судно. Альвильда оделась как богатая леди и вышла на палубу. Она почувствовала, как у всей команды перехватило дух, во-первых, потому что платье на ней отраду никто не видел, а во-вторых, ее никогда не воспринимали как женщину, она была просто их капитаном. И теперь команда смотрела на нее новыми глазами, потеряв дар речи и оцепенев пока Фаррел не выругал их подбором слов, значение которых понимал только он, и не надавал тумачков попавшим под руку. Сам он оделся не менее богато и стильно. По легенде они были венецианские жители, брат и сестра, на корабль которых напала пиратское судно «Фауста», но капитан, заранее почуяв не ладное, спустил на воду шлюпку и отправил их на время подальше. Капитан, к слову, был их дядя и дал им в дорогу воды и шкатулку с драгоценностями своей покойной супруги и их тети. Фаррел взял себе имя Тициан, а Альвильда, после некоторого раздумья, остановилась на Лукреции. Они были молоды, прекрасны и безоружны.

Алан критически оглядел Альвильду:

– Тебе нужно было сделать завивку и уложить волосы в прическу.

– Ну как ты себе представляешь в море аккуратную прическу и кудри, – удивилась она.

– Я думаю, что леди всегда ходят с прическами, – настаивал Алан. – Вообще Лукреция не очень тебе подходит.

³ Официальное название Индии на языке хинди, прим. автора.

– Знаешь что, если тебе нужна прическа, делай ее сам, еще одень, это платье с этим чертовым корсетом и спускайся в шлюпку вместо меня, – ответила она, приблизившись и сердито блеснув глазами. – И называйся тогда любым из твоих обожаемых имен- Агостина, Консолетта, или как там ее... Беатрисс.

– Хорошо, хорошо, – Алан примирительно развел руками. – Я для правдоподобности... Спускаясь в шлюпку, Альвильда озорно улыбнулась и подмигнула Алану:

– Корабль твой, а капитан мой.

– Договорились, все что пожелаешь, – ответил он ей и послал воздушный поцелуй.

На корабле считали их мужем и женой, что было не далеко от истины, и любое проявление нежности или, наоборот, их споры, заканчивающиеся звоном мечей, были привычны.

– Он боится тебя оставить даже на час, – с улыбкой заметил Фаррел, провожая взглядом удаляющийся парус «Фаусты».

– Не боится. Просто мы привыкли быть постоянно рядом и неуютно чувствуем себя друг без друга, – пояснила Альвильда, поправляя зонтик и платье.

– Так это называется привычкой?

– Не цепляйся к словам. Люди это называют любовью, а я не могу подобрать слова к этому чувству, но это больше чем любовь, это основа моей жизни.

– Понятно. Я помню, когда увидел вас впервые... Вы действительно часть друг друга, но не понятно, почему вы все время спорите, – задумчиво пропуская воду сквозь пальцы, произнес Фаррел.

– У всего настоящего есть тень.... Смотри паруса, рановато они, мы немного ошиблись со временем.

– Ну что потеряешь сознание?

– Нет, извини, это уже перебор...

Команда «Звезды» сразу заметила по правому борту шлюпку с двумя потерпевшими бедствие людьми, ранее они уже видели сожженный корабль, поэтому были наготове. Капитан помог подняться девушке и представился:

– Меня зовут Николь Антуан де Босси, лучше просто Николь. Рад приветствовать вас на «Звезде». Что с вами произошло?

Альвильда потупила глаза и приложила к ним ажурный платочек, готовая вот-вот расплакаться. Фаррел ответил за нее, что они брат и сестра из Венеции, плавали на похороны своей тетушки, безвременно почивший и оставившей им небольшое наследство в виде драгоценностей и золота. После похорон они возвращались домой с дядюшкой, который был капитаном торгового корабля «Лаура». Их дядюшка Джиозу, к слову, был великий моряк, рожденный и воспитанный в море, чувявший носом, как изменение погоды, так и беду. Сегодня он почувствовал неладное, ночью ему приснилась его покойная матушка, набожная матрона никогда бы не потревожила сон сына просто так. Когда в течение утра это чувство усилилось, Джиозу отправил своих горячо любимых племянников и единственных наследников его имени и состояния, на шлюпке подальше от своего корабля, предполагая, а почему ответ на этот вопрос никто не знает, что по этому пути должна пройти «Звезда».

– Меня зовут..., – Фаррел помедлил, вспоминая имя, – ...Тициан, а мою сестру Лукреция.

– Я не знал лично капитана Джиозу, но хорошо знал его корабль. Жаль, что с «Лаурой» такое приключилось, – ответил капитан «Звезды». – Пиратство бич нашего времени и я надеюсь, что...

В этот момент Альвильда подняла на молодого капитана глаза цвета моря и нежно улыбнулась. Николь был поражен красотой девушки, ему захотелось любоваться ею, защитить ее ото всех напастей и неприятностей этого мира и больше никогда в жизни не допускать ее слез.

– ... Теперь вы в безопасности, Лукреция, – сказал он, поменяв тему, и еще раз поцеловал ее руку. – Я тоже путешествую с сестрой, ее зовут Летисия. У нее есть две девушки, которые во всем вам помогут сеньорита, а вас, Тициан, – он дружески похлопал Фаррела по плечу, – прошу располагаться в моей каюте.

– Ну что вы! Разве я могу вас потеснить?!

– Конечно, можете, у меня на корабле две каюты, одну из них я время от времени предлагаю путешествующим со мной друзьям, – произнес Николь, не отводя взгляда от Лукреции. Затем, спохватившись, предложил ей руку и проводил ее в каюту сестры.

Летисия оказалась юной светловолосой девушкой с голубыми, почти прозрачными глазами, ее кожа была покрыта легкими веснушками, которые она, скорее всего, постоянно пыталась вывести и от этого была еще блее. Девушка по-детски была рада, когда одно из ее платьев подошло Лукреции, и с восторгом бросилась ее обнимать и целовать. «Совсем не детские объятия», – подумала Альвильда, но сопротивляться не стала. Затем Летисия, объявив, что брат приглашает их к себе в свою большую капитанскую каюту, лично уложила ей волосы, аккуратно подбирая волосок к волоску.

После обеда капитан, не желая расставаться с Лукрецией, провел для брата и сестры подробную экскурсию по кораблю, рассказывая и показывая, где и что расположено, сколько человек в его команде, кто сегодня дежурит, и кто их сменяет в ночную смену, как быстро поставить и убрать парус, где какой груз и вооружение. Взгляд Лукреции бездонной глубины, молчаливый и в тоже время спрашивающий, расплылся Николь, и он не заметил, как рассказал все подробности о «Звезде» и ответил на все вопросы Фаррела. Летисия тоже постоянно была с ними. Она нежно дотрагивалась до талии Лукреции или поправляла ей волосы в причёске, называя ее то божественной, то обворожительной, то сестрой.

День прошел незаметно. Солнце готовилось упасть в море, и капитан на время отклонился, чтобы отдать распоряжения вечерней смене, нежно посмотрев в глаза и поцеловав руку Лукреции. Его сестра в свою очередь отправилась проверить, как идет подготовка к ужину, бросив на сестру Тициана горящий от желания взгляд. Названные же брат и сестра остались на носу корабля, наблюдая за приближающимся заходом.

– Ты пользуешься успехом, – с иронией заметил Фаррел.

Альвильда, пропустив его слова, сказала:

– Девчонка тоже моя, ты забирай служанок, они милые, их не надо отдавать команде.

– А как же Алан? И с каких пор тебя беспокоит судьба служанок?

– Алану в подарок будет этот корабль. Наша команда вдоволь нарезвится с пленниками, среди них есть несколько симпатичных мордашек. Про девчонок сначала промолчим, а там посмотрим..., я сама с ним поговорю, – четко ответила Альвильда и внимательно посмотрела на махнувшего головой в знак согласия Фаррела. Затем она отвернулась и сосредоточилась на горизонте. Альвильду беспокоило, что Фаррел всегда с ней соглашается – когда нужно о чем-то промолчать, что-то недоговорить или изменить текст. Он не был привязан к Алану. «Однажды он его придаст», – мелькнула у нее мысль, но она тут же ее отогнала, – «Я буду всегда рядом и увижу это».

Ужин прошел чинно, по всем правилам приличия, в то же время по-домашнему уютно. Свечи, хорошее напитки, для женщин легче для мужчин крепче, жаркое и неспешная беседа обо всем и не о чем одновременно создали атмосферу полную романтики и недосказанности. Уже за полночь Летисия, по предварительной договоренности с Лукрецией, сославшись на усталость, ушла готовиться ко сну. Тициан отклонившись, сказал, что хочет подышать ночным воздухом и полюбоваться на звездное небо, подумав при этом о том, что он сначала заглянет к полненькой служанке, которая его ждет в каюте, в то время как вторая, скорее всего, уже на носу корабля ожидает романтическое свидание. Николь остался с предполагаемой Лукрецией наедине, ото всей души благодаря бога за выдавшуюся возможность.

– Моя наипрекраснейшая спутница, очаровательная Лукреция! Вы посланы мне всевышним, и я хочу заверить вас в моих самых искренних намерениях, – начал было он, ближе подойдя к девушке и положив ее ладонь себе в область сердца. Но Альвильде за день уже надоели эти высокопарные речи, поэтому она сменила полный наивности взгляд на дерзкий и вызывающий, а лепечущий тон на свою привычную интонацию:

– Николь, давай ближе к делу, а то ночь коротка, многое можем не успеть, – тихо произнесла она и, обхватив шею удивленного капитана, поцеловала его долгим прощальным поцелуем.

Выйдя из каюты, Альвильда нашла Фаррела на носу корабля рядом с лежащей на палубе девушкой:

– Ну как?

– Полное удовлетворение, – подмигнул ей Фаррел и аккуратно сбросил тело служанки в море.

– Я спрашиваю, ты команду запер в трюме и где ночная смена? – нахмурилась Альвильда.

В ответ Фаррел коротко шепнул ей о месторасположении людей, входящих в ночную смену и они разошлись. Когда все закончили, Фаррел пошел дать сигнал идущей поблизости «Фаусте», в то время как Альвильда зашла в каюту Летисии. Девушка ждала ее абсолютно обнаженной и взволнованной.

– Ну, наконец-то, что так долго? – успела она сказать, прежде чем Альвильда ее поцеловала...

Оставшиеся из людей «Звезды» были застигнуты врасплох и не смогли дать отпор, их перевели на «Фаусту» и оставили для развлечения пиратам.

Альвильда и Алан расположились в каюте бывшего капитана. Откинувшись на мягком диване, они наблюдали за догорающими свечами. С «Фаусты» доносились стоны и крики сопротивления. Альвильда обняла Алана:

– Как тебе твой новый корабль, капитан?

– Он прекрасен, хотя не сравнится с тобой, – ответил Алан, крепко прижав ее к себе. – Но тебе что-то не нравится?

– Это не захват, это – резня, здесь не было равенства... Возможно капитан с мечом в руках бы был не плох, – вздохнув, ответила Альвильда.

– Но ты, же сама предложила этот вариант.

– Ты хотел получить этот корабль..., мы бы его не догнали и не взяли бы на abordаж. Ты же уже оценил его вооружение...

– О, понимаю, тебе не хватает отрубленных голов и шумной драки, – перебил ее Алан и, взяв ее лицо в руки, заглянул в глубокие как окружающие воды глаза. – У нас еще будут сражения, и ты в очередной раз отточешь свое мастерство, – затем он откинулся на подушки и усмехнулся, – хотя о равенстве могла бы не говорить, ты ни кому не даешь шанса. Тебя команда боится больше чем меня.

Альвильда резко перевернулась, сев сверху на Алана, и приложила к его шее выхваченный из ножен на ноге кинжал:

– Шанс я даю всем, но им, почему-то никто не пользуется.

И она медленно разрезала на нем рубашку.

В этот момент в каюту вошел Фаррел. Не обращая внимания на возникшую сцену, он сел в кресло, положив ноги на стол:

– Не помешал? Куда мы направимся дальше?

– Думаю, что за Индийским морем есть другие воды, они переходят друг в друга и можно попробовать обойти весь мир. Мы поплывем на восток, – ответил, подмигнув Альвильде, Алан, в его голове уже началась формироваться карта нового путешествия.

– Ты знаешь, один из римских ученых⁴ называл Индийское море океаном, – заметил Фаррел.

И они погрузились в молчаливые мечты, но крики и смех с «Фаусты» вернули их к действительности.

– Что-то ребята расшумелись, видимо не было большой драки и некуда деть энергию, – заметил Фаррел.

– Ну, тогда иди и сожги их к чертовой матери, – раздраженно прорычала Альвильда.

– Хорошо, хорошо, не мешаю...

Фаррел встал и вышел, бурча себе под нос:

– Я думал, она после капитана поболеет, нет же – и сестричка его не помогла...

– Я думаю, нам нужна новая команда, достойная этого корабля и его планов, – более спокойно сказала Альвильда.

– Ты хочешь заменить ее сейчас? – спросил Алан, расшнуровывая ее корсет.

– Нет, чуть позже, но этих мы похороним вместе с «Фаустой».

Алан улыбнулся и взял Альвильду за подбородок:

– Говорят, на корабле были девушки?

– Да, трое. Сестра капитана и две служанки.

– И меня никто не дождался?

– Ты же сам сказал, что я могу взять все что пожелаю, – прошептала она в ответ, отбросив кинжал. – Я с тобой немножко поделюсь...

И Алан забыл про девушек, про долгие часы ожидания сигнала, про беспокойство прошедшего дня и ночи, про «Звезду», которая потеряла навязчивую притягательность после ее захвата.

С первым лучом солнца, Альвильда и Алан вышли на палубу. Отдохнувшие и счастливые они поднялись на полубак и замерли – «Фаусты» нигде не было. Альвильда нахмурилась и закричала:

– Фаррел, Вечность тебя побери! Где эти ублюдки?!

Алан засмеялся и никак не мог успокоиться, пытаясь сказать сквозь смех:

– Капитан, твой корабль уплыл. Но, ты же сама велела его сжечь?!

– Как мы поведем эту чертову махину?! Я капитан – мой корабль хоть сам уплыл, а ты капитан теперь сам свой на себе потащишь, – она раздраженно махнула рукой и ушла.

В этот момент на горизонте показалась лодка. Алан продолжал тихо смеяться, в то время как Альвильда обошла весь корабль. К своему удовлетворению она нашла четырех пиратов, мирно спящих в кубрике. Поднявшись наверх, она увидела прибывшего Фаррела, ему уже все рассказал все еще смеющийся Алан.

– Я не понял: сделаю все – плохо, не сделаю – хочешь меня прирезать, – разводя руками, обиженно сказал Фаррел, но Альвильда заметила в его глазах огоньки смеха и засмеялась. К ней присоединились и оставшиеся на корабле.

Через некоторое время на побережье вынесло обломки корабля, и среди свободных людей прошла весть о том, что «Фауста» была разбита и потоплена во время нападения на «Звезду», что никто не остался в живых, история Алана и Альвильды закончилась. «Звезда» же ушла через Индийское море в путешествие к краю земли, а достигла или нет – никто не знает, с края земли тогда еще никто не возвращался.

⁴ Речь идет о римском ученом Плинии Старшем, жившем между 22 и 24 годами н.э., прим. автора.

Иранхара

Выехав на равнину перед Арзу, принцессы остановили коней. Перед их взором встала величественная столица Иранхары во всей красе заходящего солнца.

Город смотрелся как огромное белое облако, плывущее по чистому голубому небу, только слегка желтоватый песок и редкие деревья вокруг стен невольно свидетельствовали о том, что он стоит на земле. К Арзу вела белая вымощенная камнем дорога, по краям которой красовались стройные пальмы. Белые стены как вечные стражи говорили о мощи и неприступности, купола башен золотом блестели в последних солнечных лучах. От города веяло вечностью, спокойствием и красотой мироздания.

– Впечатляет? – спросил Нарат Соломею.

– О, да! – ответила за нее Синклар и пришпорила коня. Вдогонку за ней понеслись Гутлеиф и Равшан.

– Я подарю его тебе, если хочешь, – прошептал Нарат. – Я отдам тебе всю эту страну.

– Мне кажется, ты забываешь, что всем этим правит славный Иринарх, – улыбнулась в ответ Соломея.

– Следующим правителем буду я, – Нарат помедлил, – и ты..., если примешь мое предложение.... Если ты откажешь мне, я все равно поеду за тобой, я не смогу...

– Зачем же о грустном, – прервала его Соломея. – Долгих лет великому Иринарху, и у нас с тобой будет время.... Я думаю, нужно соблюсти приличия, поэтому буду ждать предложение от царя.

– О, – облегченно вздохнул Нарат. – Нам нужно будет послать гонца к твоему отцу.

– Не стоит, – ответила Соломея. – Он всегда полагается только на наше с Синклар решение. Как-нибудь мы позовем его погостить у нас, сейчас он занят обустройством нового дворца. А кто это на стене?

– Это Иринарх, – улыбнулся Нарат и счастливо поднял руки, приветствуя стоящего на верху человека в белом. – Там Смотровая площадка. Отец встречает и провожает Солнце, стоя на верху, это традиция и обязательный ритуал в стране. Но так же, он всегда там ждет моего и братьев возвращения и встречает званных гостей.

– Или о чем-нибудь размышляет..., – добавила Соломея.

– Нет, не думаю, для этого у нас в Башне Правителя есть уютная терраса, с которой открывается прекрасный вид на море, там он в кресле может сидеть часами.

Соломея жестом велела воинам следовать за ней, и они въехали в город через огромные деревянные ворота обшитые металлом и золотом. На рисунке в центре было изображено солнце, вокруг него кружились планеты и звезды.

– У вас везде Солнце..., – задумчиво произнесла принцесса.

– Конечно, это же солнечная страна, – весело ответил Нарат, переполненный эмоциями и ожиданием встречи с отцом. – И ты тоже будешь нашим солнцем, нашим белым солнцем!

Соломея задумчиво взглянула через плечо на принца. Братья были похожи между собой, но Нарат от природы был более высок и строен. Прямой нос, глубокие серые глаза, светлые волосы, заплетенные в косу, полные губы, сложенные в детскую улыбку, делали его привлекательным и внешне очень мягким, но уверенная посадка в седле, прямая спина, широкие плечи, натренированные мечом, высоко поднятая голова и непоколебимый жесткий взгляд выдавали в нем наследника короны и отличного война. Принцесса на миг задержала взгляд на отозванном рукаве кафтана, сквозь который выглядывала загорелая кожа, плотно обтягивающая мышцы руки. Принц поймал ее взгляд и улыбнулся, его чувства словно светились изнутри, придавая ему еще большей миловидности.

Они медленно продвигались по улицам города. Достаточно широкие, вымощенные белым камнем, они змейкой вились по направлению к главной башне. Вдоль них непрерывной чередой плотно стояли дома жителей, перед которыми не было ни деревьев, ни цветочных кустов, как то было в Феерии. Соломея предположила, что позади строений есть небольшие сады, так как из-за домов выглядывали пальмы и еще какие-то деревья.

– Да, – подтвердил принц, – фактически у каждого жителя есть свой сад, бассейн и домик для отдыха.

– Домик для отдыха?

– Да. Это такое строение, с крыши которого стекает вода, а внутри находятся столики и кресла для хозяина и гостей. Наши жители любят свои дома и стараются придать внутреннему и внешнему убранству как можно больше красоты и индивидуальности. У нас ценятся статуи, фрески, витражи, плетеная и резная из дерева мебель, вышитые золотом шелковые подушки и покрывала. Это снаружи дома белые, а внутри хозяева, в зависимости от положения, а в городе живут в основном богатые люди, украшают стены тростником, росписью, мозаикой и мрамором. Дом является отражением достатка и положения владельца, его показывают, им любят, но гостей обычно принимают в домиках для отдыха.

– У вас есть дома в три яруса?

– Да, в основном это дома царской свиты, к примеру, главного легионера, главного визиря, хранителя города, царского лекаря. Остальные имеют в основном два яруса, что позволяет экономить городскую площадь – в традиции у жителей Иранхары иметь много комнат.

Недостатком во всем увиденном Соломеей было то, что в углах перед домами скапливался мусор, пыль и песок, видимо, вода, стекающая от дождей, приносила их сюда, так же как и испачкала белые стены у основания, сделав их серыми и неопрятными. Но больше принцессе не понравилось, как шла дорога.

– У вас дороги постоянно петляют, в чем смысл? – на очередном повороте поинтересовалась она у Нарата.

– Смысл? Я не задумывался об этом. Город расширялся, дома строились, между ними подкладывались дороги. Здесь нет смысла, так сложилось со временем, – ответил принц.

– У вас нет главного строителя? Но город должен иметь четкую схему для удобства продвижения и защиты.

– Защиты? Наипрекраснейшая, нам никто не угрожает. А что касается продвижения, возможно, ты права. Очень неудобно добираться до Башни Правителя. Нужно, думаю, проложить несколько основных дорог. Я подумаю над этим, – сказал принц, произнеся про себя: «Мы подумаем над этим».

Соломея внимательно присматривалась к домам – ее удивляли окна. Достаточно большие со ставнями, выложенными цветными витражами, с редко повторяющимся рисунком. Камни были прозрачные и пропускали в дом свет, крепились они на тонкие бронзовые решетки.

Нарат заметил ее интерес и пояснил:

– Это Слезы Золотых гор. Наши мастера научились их не только плавить, но и окрашивать. По закону все добытые Слезы принадлежат царской семье и в переработанном виде подлежат продаже во внешние земли. Это неплохой доход, скажу тебе, и хорошая часть казны. Но, по этому же закону, на совершеннолетие, на Обряд создания семьи, на рождение первенца, при строительстве нового дома или за особые заслуги перед страной жители получают определенное количество Слез в дар. Они не переработаны, поэтому каждый может договориться с мастером и окрасить их при переплавке в желаемый цвет, а также придать им желаемую форму. Поэтому каждый наш житель имеет большие и маленькие окна с неповторимыми витражами, которые являются как признаком достатка, так и украшением дома. Слезы передаются по наследству. Если кто-то разбил чужие Слезы, то его отсылают в шахты, чтобы исправить

причиненный хозяину вред, а также отработать свой проступок перед казной, либо провинившийся имеет право откупиться. И конечно же, лучшие Слезы и узоры ты увидишь во дворце.

Соломея с интересом слушала принца. В свою очередь она рассказала ему, что окна в домах жителей Феерии маленькие и располагаются у основания крыши, это позволяет постоянно проветривать помещение и сохранять там необходимую прохладу. Дома у феерийцев одноярусные, квадратные, очень просторные внутри, хотя и малоосвещенные. Мозаичный или каменный пол, одна-две фрески в приемной комнате или при входе – вот и все украшение дома. Зато перед домом и вокруг него обязательно красуются деревья, чаще плодовые, цветочные кусты в больших горшках, или лозы винограда обвивают невысокий забор, что создает дополнительную тень. Феерийцы жилища особо не украшают, а вот украсить себя считается основным правилом. Мужчины и женщины носят тонкие золотые кольца и браслеты на ногах и руках, золотые с камнями баджу и хаары. Каждый мужчина выражает свое состояние через внешний облик жены, или жен, их обычно две – три, и дочерей. Женщины носят длинные волосы, убранные в высокую прическу с множеством камней или жемчужин, длинные серьги или каффы. Конечно, это праздничное или выходное одеяние, но и в повседневной жизни количество браслетов на ногах, шее и руках свидетельствует о положении хозяйки. Сама одежда не прихотлива – тонкая туника изо льна, шелка или шерсти в прохладный период. Феерийцы умеют обрабатывать шерсть и лен, превращая их в очень тонкие полотна, чуть толще шелка, а так же научились соединять шерсть и шелк – это один из основных источников дохода страны. Ткань же окрашивают в светлые тона или отбеливают, чтобы подчеркнуть украшения, красоту волос и ровный цвет кожи. Но отличительной чертой феерийцев является не обилие украшений и тонкие, часто прозрачные платья, а рисунок на теле. Они украшают себя черным, коричневым и золотым орнаментом; по рукам, ногам и телу выются причудливые ветви лиан, цветы и листья. И чтобы в более выгодном свете представить рисунок феерийцы носят короткие и открытые одежды, демонстрирующие руки и ноги во всей красе.

– Феерийцам нечего скрывать и они с гордостью показывают как свое тело, так и свое состояние, – закончила свой рассказ Соломея. «Чего не скажешь о ваших жителях», – при этом подумала она, мысленно отметив, что их платья были длинными и объемными с нечеткими силуэтами из достаточно грубой материи. Облик дополняли небольшое количество украшений, также объемных по форме, и странные одинаковые у мужчин и женщин прически, смазанные, видимо, маслом или жиром. Несмотря на это лица жителей города, да и страны, из тех, кого встретила принцесса, ей понравились. Правильные черты, более мягкие, чем у феерийцев, ровная загорелая кожа, пухлые губы и видимо волосы, если их не уродовать «иранхарскими прическами», а просто мыть и укладывать, имеют красивый цвет, и по природе прямые, тяжелые и плотные. Принцесса так же отметила, что мужчины были в основном высокие и крепкие, а женщины стройные и имели большую грудь уже в молодом возрасте, хотя за их балахонами о действительных достоинствах хозяйки говорить было трудно. «Возможно, за этой одеждой они прячут красоту своих жен», – рассуждала она, рассматривая вышедших им навстречу горожанок. – «Но зачем? Мужчины Феерии возможно более самоуверенные раз выставляют своих партнеров во всей красе, а что с этими-то не так? Да, жилища они украшают лучше своих женщин». Соломея заметила, что встречающиеся им на пути жители, почему то пялятся на нее во все глаза, а не опускают почтительно голову. «Надо будет это изменить, и вообще здесь много работы», – подумала она, прежде чем они остановились перед Башней Правителя.

Город имел структуру паутины, в центре которой возвышалось устремленное ввысь строение, увенчанное куполом, от него словно лучи отходили закрытые переходы в другие башни, расположенные в форме пятиконечной звезды и располагающиеся по границе города, почти у крепостных стен. Таким образом, царская семья и свита могли передвигаться по городу, не привлекая к себе внимания, достаточно быстро, не петляя по извилистым дорогам, с другой стороны с этих воздушных тоннелей город всегда был виден как на ладони.

- Ну, как? – спросил Нарат, спешиваясь и подавая руку принцессе.
- Впечатляет, – ответила Соломея, не скрывая восхищения. – И чья это идея?
- Мудрого Ириарха...

Альвильда

Она сидела на берегу, перебирая в ладонях белый песок. Солнце садилось за спиной и ощущалось, как бриз меняет свое направление. Она смотрела на водную даль. Легкие волны плавно играли свою мелодию, создавая на поверхности неповторимую игру цвета – от темного черничного у горизонта до сине-зеленого, местами изумрудного в центре, переходящего в желтый у берега. Альвильда любила это время суток, день шел на покой, природа умиротворялась, а вечер сулил спокойствие и отдых с кубком вина в объятиях Алана.

Команда вдалеке разжигала костер, громко и весело обсуждая удачную охоту. Они редко выходили на берег, и всегда это было шумным событием, продолжавшимся несколько дней с охотой, пирами, песнями и танцами. В этот раз Альвиде нравился подбор людей – все они были здоровые и сильные, не агрессивные, не злобные, не склонные к буйному пьянству, что встречается редко в кругу искателей приключений. Среди них были воистину уникальные и интересные личности: художник Марко со способностью в течение нескольких минут запечатлеть углем любое лицо и видящий дальше любого на корабле; кок Себастьян, по мнению команды, способный создать шедевр даже из морской травы и в свободное время играющий на мандоре грустные и лирические напевы своего сочинения; силач Васу, одним ударом кулака переламывающий ребра или крошащий череп, обладал способностью к врачеванию и предотвращению заболевания, угадывая его заранее присущим ему шестым чувством; талантливый в обращении с оружием синеглазый Дауд, на суше мечта многих красавиц, он побывал во многих странах, и его рассказы были веселы и бесконечны, естественно, большинство из них приукрашены или же сочинены им на месте, Дауд также обладал способностью выходить без царапины из любой передраги. Команда сложилась дружная и сплоченная, вместе они прошли ни одну тысячу миль, встречая на пути бури и штиль, дожди и зной, сказочно красивые острова и неприветливые земли, горы, извергающие огонь, и лед, преграждающий путь.

Но, несмотря на все события и движение вперед, постоянное присутствие людей, любовь и внимание Алана, чувство одиночества не покидало Альвильду и в последнее время усилилось. Она чувствовала, что находится не там, где должна быть, не с тем, с кем должна быть, и делает не то, что должна. Ее бесконечные поиски душевного покоя не приводили к результату, а создавали ощущение, что она наоборот бежит и удаляется от цели. Иногда в ее мыслях мельком проходили лица, которых она не знала и события, которых она не помнила. Она загоняла эти минутные воспоминания глубоко в память, но, тем не менее, временами, как в этот вечер, ощущение, что она делает что-то неправильно, возвращалось, а самое главное, в эти моменты она чувствовала, что Алан не тот, кто должен быть с ней рядом. Любила ли она его? Да, любила, но это любовь была как момент из настоящего и она не знала, точнее она точно знала, что это не ее прошлое, а тем более не ее будущее.

«Что-то я делаю неправильно...», – со вздохом, в очередной раз подумала она.

– О чем задумалась красавица? – прервал ее мысли, подошедший Алан.

– Я думаю, мне пора начать писать пейзажи. Посмотри, какая красота, – улыбнувшись и предложив жестом ему присесть рядом, ответила Альвильда.

– Да, красиво. Но ты не бываешь на берегу, кто оценит твои картины? А на корабле, я боюсь, мы не сможем их долго хранить.

– Я буду дарить их. Скажем, Бодуену и Хелл.

– Как пожелаешь, они будут рады, но, боюсь, команда не оценит твою новую странность.

– Разве это важно?

– Нет, но лучше уж пару дополнительных спаррингов на мечях, по крайней мере, для окружающих выглядит устрашающе. Не все клинки из своей коллекции ты опробовала в бое, –

засмеявшись и обняв ее, ответил Алан. Он поцеловал ее, посмотрел в глаза и убрал волосы, упавшие на лицо.

– Да, ты прав, возможно, картинки подождут, – согласилась она и провела пальчиком по его губам.

– Я думаю, в будущем, человек изобретет быстрый способ запечатлеть момент. А природа и пейзажи мало в чем изменятся.

– Да, и в этом ты прав. Сначала человек будет стремиться все запечатлеть, потом будет стремиться все запечатлеть как можно быстрее, затем это будет отдельным искусством, но думаю, быстро наигравшись, человечество перестанет ценить моменты. А природа... Природа, при кажущейся неизменчивости, меняется очень сильно и ее мгновения очень быстро-течны.

– Как-то пессимистично, но хочешь, купим тебе все необходимое, и рисуй, думаю, Марко тоже будет рад.

– Нет, не хочу, время не пришло.

– Тогда пошли, прогуляемся вглубь острова, – поднявшись, предложил Алан и протянул ей руку.

– Я немного хочу побыть одна. Иди к команде, а я подойду чуть позже.

– Хорошо, долго здесь не скучай, – Алану не понравилось ее настроение, но он не стал пытаться его исправить, как обычно полагая, что она просто соскучилась по суше и комфортным условиям.

Альвильда проводила его взглядом, легла на песок, закрыла глаза, слушая песню волн и отзвуки смеха команды, вернулась к своим мыслям.

Люди состоят из воды и сами как вода, в своей жизни, действиях и мыслях они как реки, озера, моря и океаны, или как лужи и высыхающие источники. Внешне, на поверхности они могут быть одними, но в мыслях, как в глубине, совсем могут оказаться другими. Одни как чистое прозрачное горное озеро, в котором видно даже самые маленькие камешки на самом глубоком дне, другие как бурная река, где бурлит все и внешне и внутренне, есть люди как океан изменчивы и непредсказуемы, бывают словно штормовое море, которое может оказаться спокойным и теплым на дне, есть как красивые озера, внешне привлекательные и манящие, гладкие как зеркало, но с плохим и мутным дном, а у многих за гладкой поверхностью скрывается непредсказуемая глубина. Одни люди как реки, им нужно стремиться и впадать во что-то большее, чем они сами, а есть одиночки, текущие своей дорогой. Есть теплые и холодные, ядовитые и чистые, тем которым нужна подпитка дождей и те которые сами питают других.

А таарвиты? Какие они и так ли далеки они от людей? Какой была она? Альвильда часто задавала себе этот вопрос. С Аланом ей было все понятно, он был как столь любимым ею Тихий океан с его бездонными впадинными, течениями, прозрачной гладкостью воды, бурями и тайфунами. Он поглощал в себя реки, моря, дожди, он был обманчив и в тоже время ужасно предсказуем, но главное, он был свободен, его нельзя было куда-либо направить или как-то проконтролировать, это он управлял окружающей его жизнью. Но Альвильда не была рекой или морем, она не могла в него впасть и раствориться. И это была их проблема. Они были вместе и любили друг друга, но их жизнь текла рядом, соприкасаясь и расходясь в разные стороны. «Возможно я Индийский океан, а может просто вода в бочке», – ответила она на свой вопрос, встала и пошла к разгоревшемуся костру.

Иранхара

Нарат помог Соломее спешиться, передал коней стражникам, распорядился о размещении ее воинов и вошел с ней вовнутрь башни. Сразу за дверью начинались каменные ступеньки, и принц, бережно взяв принцессу за руку, повел ее ввысь, объясняя по пути, что достроены Северная башня, Башня Приветствия и Башня Иринарха, которая изначально являлась жилыми покоями царя и принцев, когда они были моложе. Позже Северную башню перестроили под покои Нарата, а Башню Приветствия под покои Гутлеифа и Равшана. После заключения союза с дочерью правителя Сумарлима, Гутлеиф переехал Южный замок, расположенный за Красной пустыней, на границе Иранхары, но когда приезжает погостить останавливается в башне у Равшана. В связи с тем, что младший брат скоро и сам переедет в восточные земли страны и обоснуется в Черном замке, эту башню полностью переделают под гостевые покои. Планируется еще Башня Знаний, там будет собрана библиотека. Рукописи и свитки сейчас находится во всех башнях, Иринарх планирует их собрать в одном месте, кроме того скопилось много картин, подарков правителей соседних стран и купцов с далеких берегов, которым тоже необходимо выделить место.

– Самая недостроенная это Башня Дев, – добавил Нарат, останавливаясь и ища взгляда Соломеи. – Но если ты против наложниц и танцовщиц, мы переделаем эту башню подо что-нибудь другое.

– Нет, что ты, – улыбнулась принцесса, – как же без музыки то...

Подъем закончился, и перед их взором пристала огромная комната из белого мрамора с золотыми колоннами. В центре на полу было выложено Солнце, вокруг которого, также как на входных воротах, крутились планеты и звезды, далее шло изображение людей в различных одеяниях и позах, затем воинов в доспехах с оружием разного вида и форм, далее шли птицы и животные. Заканчивалась мозаика у основания стен витиеватым рисунком растений и цветов, над которыми кружились золотые бабочки. Орнамент с пола переходил на стены, только бабочки уже были из разноцветных камней, затем рисунок редел и переходил в абсолютно гладкие стены.

– Это Зала, – тихо произнес Нарат. – Сердце города, мы зашли с северной стороны, с востока стоит трон, солнце восходит за спиной царя, как символ его могущества, а когда оно уходит, Иринарх его видит через открытую террасу.

– Интересно, – прошептала принцесса, поражено рассматривая богатство убранства помещения, но, несмотря на обилие золота и камней, в нем не было ничего лишнего.

– Смотри, – Нарат показал рукой на потолок, который в центре уходил в вышину и там наверху из цветных камней повторялся рисунок с солнцем.

Соломея махнула в ответ головой, но внимание ее было устремлено на направляющегося к ним Иринарха – это был красивый, крепкий и высокий воин в летах, его волосы и бороду уже покрыла седина, но глаза светились жизнерадостным молодым блеском.

Царь подошел, молча взял руку Соломеи, поцеловал ее, затем внимательно посмотрел ей в глаза, пораженный их цветом и глубиной. Все окружающие замерли и молчаливо ждали, было слышно только дыхание, свидетельствующее о течении времени.

– Если бы я знал, что мои северные соседки настолько прекрасны, я бы расширил владения моей страны, – с улыбкой произнес правитель.

– Если бы я знала, что гостей здесь встречают, постоянно угрожая, я бы продала место расположения прохода через Золотые горы вашим врагам и посмотрела бы, чем дело кончится, – в тон ему ответила принцесса.

Царь несколько минут выдерживал ее взгляд, потом улыбнулся и посмотрел на принца:

– Мне сообщили, что первый бой ты уже проиграл?

– Да, мой повелитель, теперь, согласно уговору, я принадлежу принцессе.

– Тогда, о премудрейшая, нам необходимо обсудить условия выкупа моего наследника.

Иринарх взял под руку Соломею и повел ее представить присутствующим.

В Зале находились гости предстоящей торжественной церемонии Равшана и Бронуин, празднично одетые с большим количеством камней на руках, шее и ногах, надушенные сильными пьянящими ароматами. Представители царской свиты выделялись объемными одеяниями, вышитыми жемчугом и золотом, и прическами – их волосы были пострижены одинаково до плеч и отличались только цветом, золотистые как песок у мужчин и шоколадные у женщин.

«Странная традиция», – подумала Соломея. Позже она узнала, что оказывается после Обряда создания семьи, как символ единого будущего, пару подстригают одинаково и так они остаются в последующей семейной жизни. Поэтому все семейные иранхарцы были подстрижены, а молодые, еще не объединенные в союз, или вдовы и вдовцы имели длинные волосы, заплетенные в косы.

Среди присутствующих была юная принцесса Хельсии, белокожая с вздернутым носиком и круглым лицом, она смотрела то на Соломею, то на Синклар огромными восхищенными глазами. Девушка была еще несформировавшаяся, одежда ее была усыпана камнями, в которых видимо постоянно путались ее темные длинные распущенные волосы. После представления, Соломея нежно поцеловала Бронуин в обе щеки, размышляя про себя, что ее отец явно потропился, и что же с ней будет делать Равшан, который, по-видимому, не только был поглощен Синклар, но и вообще забыл о невесте и предстоящей свадьбе. «Надо будет ее вечером навестить», – подумала принцесса.

Отец же невесты, царь Хелстеин бросал на появившихся принцесс мрачный взгляд, еще недавно могучий воин, сейчас он был болен и угасал. Его сильно поредевшие волосы были заплетены в длинную косу, кожа желтая и сухая как мертвый лист, говорила о приближающейся смерти. Он не оценил красоту прибывших феериек, видимо постоянно справляясь с приступами боли, он вообще перестал ценить жизнь. Но как мудрый правитель и мужчина он сразу понял, что от Синклар исходит опасность для его дочери.

Не менее мрачный взгляд бросала на принцесс и супруга Гутлеифа Аружан. Ее внешность была необычной для этой местности – маленький носик и узкие губы, темные как угли глаза, ее лицо напоминало степную мышь, а рыжеватые с серыми прядями волосы усиливали это сходство. Долгое время будучи единственной принцессой Иранхары, теперь она была оттеснена со своего пьедестала юной Бронуин. Но при знакомстве с будущей женой Равшана, Аружан не почувствовала соперничества, наоборот она решила, что после свадьбы возьмет шефство над молодой принцессой. А вот бесспорная красота прибывших незнакомок ее расстроила и насторожила. Аружан знала, что Гутлеиф имеет право взять вторую жену, тем более что у нее не было до сих пор детей. Видя, как ее муж увивается вокруг Синклар, Аружан злилась и поджимала губы, из-за этого сходство с мышью становилось еще более очевидным, что не придавало ей привлекательности. Но больше всего ее возмущала одежда принцесс. На Синклар были одеты лёгкие шелковые туника и шальвары, не прикрывающие, а наоборот подчеркивающие соблазнительные формы феерийки. Большое количество тонких браслетов украшали ее руки и ноги, волосы были высоко убраны, что во всей красоте демонстрировало ее белую длинную шею, на которой со спины красовался золотой рисунок виноградной лозы, беря основание у начала волос и переходя одной ветвью на плечо, а другой исчезая глубоко под туникой и давая понять, что самая интересная роспись спрятана от глаз.

Аружан кипела от гнева, видя как обычно бесстрастный Гутлеиф, внутренне сгорал, не отводя взгляда от красавицы из Феерии. Она знала, что это замечают и окружающие. «И зачем их только бог послал, нужно будет что-нибудь с этим придумать», – думала забытая жена принца. Не меньшее беспокойство у нее вызывала и Соломея. Принцесса, одетая в кожаные доспехи и короткую кожаную юбку, с небольшими мечами в прикрепленных нож-

нах на руках и ногах, большим изогнутым мечом за спиной, напоминала прекрасную белокурую богиню-воина. Сходство дополнял золотой рисунок – на икрах он являлся продолжением сандалий, а на руках, начинаясь на пальчиках, заканчивался браслетами на предплечьях. Аружан видела, как Иринарх с почтением отнесся к прибывшей феерийке, а Нарат не сводит глаз с Соломеи, понимая по-женски чутко, что это и есть их будущая царица. Но в момент ее представления принцессе инстинкт самосохранения Аружан был вытеснен чувством более сильным – желанием показать свое женское превосходство.

– У вас даже женщины состоят на службе или Феерия настолько бедна, что вы экономите на тканях? – громко произнесла Аружан, внимательно окинув взглядом Соломею с головы до ног.

Свита и гости Иринарха с интересом прислушались к начавшемуся разговору.

Феерийская принцесса улыбнулась и ответила:

– О да, вы проницательны, прекраснейшая Аружан. Женщины Феерии наравне с мужчинами с малолетства обучаются владеть луком, мечом и конем, поэтому они все стройны и подтянуты до самой старости, и им нечего скрывать. На мне типичное для нашей страны платье для верховой езды и охоты, а что касается тканей, здесь вы ошиблись, наши мужчины не экономят на своих женах и дочерях. Я думаю, мы с Синклар вам это еще продемонстрируем.

– У вас мало мужчин, раз женщины служат? – не унималась Аружан.

– Ну почему же достаточно. Наоборот, у нас недостает женщин, и мы привозим их из соседних земель. А что касается воинской обязанности, то действительно, страна у нас маленькая, требует защиты. Ни одна из наших женщин не будет стоять в стороне, и смотреть, как нападают на ее семью, тем более не позволит взять себя силой. Наши женщины сильные, красивые и самостоятельные, они сами выбирают себе мужей и их не продают как коров или гарантию безопасности, – холодно пояснила Соломея. – Впрочем, насколько мне известно, хельстеинцы придерживаются такого же правила, очаровательная Бронуин тому подтверждение.

Но даже это не остановило Аружан:

– Но Бронуин одета, – с насмешкой произнесла она и, встретив вопросительный взгляд принцессы, перевела тему разговора. – Я слышала, в вашей стране женщины обучаются в специальных школах, где их учат искусству удовлетворения мужчин еще до брака, а также улаживать женщин и нескольких мужчин одновременно?

Вокруг повисла тишина, присутствующие ждали ответа принцессы Феерии.

В этот момент, Синклар медленно проведя пальчиком по рисунку на руке Соломеи, сладко произнесла:

– Это она о Школах любви, дорогая. – И развернувшись к Аружан, тем же сладким голосом сказала: – Вы правы принцесса, в Феерии есть специальные школы, где девочек учат искусству любви и наслаждения, и когда они вступают в брак, поверьте мне, их мужья не имеют претензий. Согласитесь, уважаемые, – обратилась она к окружающим, – довольные и удовлетворенные мужчины, намного продуктивнее в службе и работе, чем те, чьи мысли заняты неудовлетворенными страстями. – И добавила тише для Аружан, – их ввела Соломея, как и Школы воинского искусства, различные школы мастерства и земледелия. Мы поддерживаем все то, что приносит стране прибыль и процветание.

В этот момент Иринарх, явно получив удовлетворение от состоявшейся беседы, примирияюще произнес:

– Милая Аружан, Феерия, видимо, интересная и процветающая страна и многому может нас научить. Мне жаль, что я не знал об этом ранее, но я рад, что принцессы так неожиданно вошли в нашу жизнь. А ты, свет очей моего сына, больше думай о так долго ожидаемых наследниках, чем слушай сплетни странников, – и, взяв под руку Соломею, направился к большой террасе, выходящей на море.

Аружан покраснела, но больше ее смутил холодный бездонный взгляд Соломеи. Принцесса не посчитала нужным ей ответить, а это значило, что этот разговор не закончен.

Когда ритуал знакомства и приветствия был завершен, а Зала была осмотрена и представлена со всеми разъяснениями, Иринарх пригласил присутствующих на Смотровую площадку, взглянуть на луну. Они прошли по длинному каменному переходу на Северную стену. Перед ними, на небе цвета ночи, сияла огромная круглая белая луна, создавая вокруг себя мягкий манящий ореол, нежно освящая окружающий мир и даря ощущение умиротворения и покоя уставшим людям и природе.

– Полнолуние белой Луны, мой господин, – сказал один из присутствующих. – К хорошему началу, процветанию страны и счастливому союзу с Хельсией. Да будет так.

И все присутствующие в один голос ответили:

– Да будет так!

– Это мой визирь Ингис, – Иринарх коротко представил говорящего и, не задерживаясь, подвел Соломею к самому краю стены.

Соломея сделала вид, что не обратила внимания на то, что бордюр был очень низок.

– Вы не боитесь высоты, – тихо заметил Иринарх. – Здесь такая высота, что у летящего вниз есть время вспомнить всю свою жизнь и весь свой род по именам и видам занятий.

– У меня мало родственников и прожитых лет не так много, так что мне еще рано падать, – ответила принцесса и пристально посмотрела в глаза правителя Иринархы.

Иринарх несколько секунд не отводил взгляда, затем отвернулся и посмотрел на сияющую во всей своей красе и неповторимости Луну. В это момент он осознал, что покорен с первого взгляда и влюблен всем своим сердцем в эту прекрасную феерийку, но он также понял, что его сын, наследник и продолжатель рода тоже влюблен и что по воле судьбы именно она будет женой Нарата и будущей царицей.

Царь долго смотрел на небесную карту, понимая, что именно приход Соломеи сегодня провозгласило ночное святило, а никак не предстоящую свадьбу Равшана.

Все удалились, на стене остались только Нарат и Иринарх.

– Ты распорядился о покоях для принцесс? – спросил царь принца, предвидя, о чем тот хочет поговорить и оттягивая эту минуту.

– Да, отец, я хотел... – начал Нарат, но Иринарх продолжил:

– Меня волнует твой брат. Равшан ведет себя неприлично, на рассвете Священный Ритуал, пусть возьмет себя в руки. Сердце и долг разные вещи, в конце концов, к следующей Луне он может взять себе еще одну жену, но первой должна быть дочь Хелстеина. Договоренность – это честь доступная только сильным мира сего.

Они помолчали, думая каждый о своем и слушая звуки ночи, доносящиеся эхом издалека.

– Я поговорю, мой повелитель, но я хотел... – решительно начал Нарат.

– Ты хотел, чтобы я попросил для тебя руку Соломеи, – закончил за него с улыбкой Иринарх и, помолчав еще несколько минут, добавил, – хорошо, я это сделаю сразу после церемонии Равшана.

Ночь для царской семьи и приглашенных на церемонию выдалась беспокойной. Невеста волновалась, еще раз внимательно осматривая церемониальное платье и перебирая украшения, составляющие ее наследство, Хелстеин мучился от боли, одни из гостей обсуждали прибывших принцесс и возможные варианты развития событий, другие еще раз перемеряли одежды. Равшан и Гутлеиф грезил о Синкларе, Иринарх долгое время сидел в кресле на Смотровой площадке, наблюдая мерцания звезд, которое было так похоже на покалывания в его душе, а когда он спустился в свои покои, то уснуть так и не смог, Нарат всю ночь пролежал, планируя грядущий день и мечтая о встрече с Соломеей. Одним словом к первым лучам Солнца все были утомлены и взволнованны.

День выдался солнечным и как предшествующий не жарким, легкий ветер с моря освежал воздух и играл с одеяниями людей. После утренней церемонии Приветствия нового дня, все гости, царская семья и знатные горожане пешим ходом двинулись через южные ворота за город, где на поле были расположены белые палатки и шатры со столами, ломившимися от вина и праздничных угощений. Недалеко на кострах уже жарилась дичь, и тонкий аромат свежего мяса и пряностей вызывал аппетит у окружающих, которые по правилам, в знак долголетия и процветания молодых, с утра не должны были принимать пищу, пить воду и прочие напитки.

Южные ворота, называемые Воротами радости за то, что по сложившейся традиции через них заходили в город новобрачные и вносили новорожденных детей, в знак величия предстоящего мероприятия были украшены белыми и кремовыми розами, лавровыми и оливковыми ветками. Дорога, ведущая к постаменту за городом, сооруженному для торжественного ритуала, была посыпана розовыми лепестками и монетами, которые в конце церемонии будут собирать дети. Вокруг стояли курильни, и легкий ветерок развеивал в воздухе нежный аромат, сжигаемых на них трав.

– Все важные события, как то союз сердец или рождение детей происходят за чертой города, затем по традиции молодые мужья вносят на руках в город своих жен, в знак, начала их новой совместной жизни, – пояснял по пути Нарат, краем глаза благоговейно разглядывая Соломею.

Принцессы, вопреки местным традициям, высоко убрали волосы, заколов их множеством камней. Длинные серьги и ожерелья, переходящие в белые, расшитые по краю золотом и легкие как ветер туники, вызывали восхищенные, а иногда и завистливые, взгляды окружающих женщин. На ногах у феериек были позолоченные сандалии, переходящие в широкие браслеты. Руки Соломеи украшал только золотой рисунок, у Синклар же украшением служило большое количество тонких золотых колец, начинавшихся на пальчиках и доходящих до предплечий.

Нарат и Гутлеиф заходили накануне к принцессам с целью предложить им местные наряды, так как, по их мнению, девушки были на охоте и могли не иметь при себе праздничных одеяний. На что феерийки ответили, чтобы те не беспокоились, так как женщины Феерии готовы к празднику даже на охоте.

– Так у вас детей рожают в поле, – уточнила Синклар у Нарата, оторвав его от мыслей о Соломеи.

– Нет, вы не правильно поняли, – ответил принц. – У нас есть Дома женщин, где служители природы принимают детей, выхаживают их и рожениц. Он находится за стенами города. А так же – Дома скорби, где находятся тяжелобольные и умирающие люди и Дом природы, куда обращаются в случае недуга и где обучают самих служителей.

– То есть в случае болезни жители покидают город? И крики рожениц тоже мешают? – с легкой иронией спросила Соломея.

– Да, я считаю это разумным, – немного смутясь, сказал Нарат. – Любое заболевание может принести эпидемию, ну а женщинам нужен покой и уход.

– Да, это логично, – смягчаясь, улыбнулась принцесса и переглянулась с сестрой.

Они подошли к постаменту и встали с правой стороны, еще раз окинув взглядом присутствующих и ощущая внимание, прикованное к ним. На постаменте уже стоял Иринарх и Равшан. Одеты царь и принцы были одинаково в расшитые золотом и жемчугом белые кафтаны, из их ножен выглядывали рукояти праздничных клинков, украшенные красными и синими камнями. У правителя Иранхары на шее весела большая, усыпанная алмазами и сапфирами, подвеска в форме пятиконечной звезды.

– Это символ города, Серебряная звезда, – шепнул Нарат Соломее, воспользовавшись ее интересом и возможностью встать поближе.

По левую сторону от постамента стоял Хелстеин и его свита. Одеты они были как иранхарцы в знак того, что входят в семью этой страны. Внешне это были невысокие темноволосые люди, внутренне в них ощущалась сила леса и свободы. Правитель Хельсии выглядел бледнее обычного, что тревожило его окружение, и они бросали на него озабоченные взгляды.

Все ждали невесту.

По традиции Лесной страны девушка должна была появиться верхом на черном скакуне. Это расходилось с правилами Иранхары, когда невеста шла босиком по дороге из города вплоть до мужа, и тот затем одевал ей на ноги позолоченные бабуши, а на плечи белый, расшитый золотом халат, в знак принадлежности Белому городу. Но Иринарх согласился уважить желание правителя Хелстеина, и Бронуин ожидали верхом на коне, пришедшем с ней из ее страны и заранее подготовленным к церемонии.

Девушка с распущенными длинными волосами, без украшений и одетая в традиционное белое платье, появилась в начале пути. Конь медленно вышагивал по мощеной дороге, бережно неся свою ношу, и все вокруг замерли в восхищенном ожидании.

Соломея и Синклар мельком переглянулись и устремили взгляд в сторону невесты.

Бронуин подъехала к постаменту и уже должна была спешиться, когда жеребец вдруг ни с того ни с сего прогарцевал, встал на дыбы и понесся обратно по дороге, унося на себе испуганно схватившуюся за гриву девушку.

Так как на свадьбе не требовалось присутствие лошадей, и они были размещены в стойлах, то в погоню за принцессой пустились ни сразу. Через некоторое время Бронуин нашли в степи с разбитой головой, конь ускакал, а она неудачно упала с него на случайный камень. Когда Хелстеин увидел лежащую бездыханную дочь, его хватил удар, и он тут же умер рядом с ней, упав ей на грудь.

Все произошло так быстро, что жители города, приглашенные на церемонию, не знали как себя вести. Одни стояли по несколько человек и молча ждали, не решаясь разойтись, другие бегали, суетились и причитали.

Через некоторое время после трагедии, Нарат подошел к сидящему в стороне и погруженному в свои мысли Иринарху.

– Отец, Хелстеина с дочерью уже не вернуть и мы воздадим им должное в памяти, но зачем пропадать так хорошо организованному торжеству. Нет худа без добра. Соломея согласна и я желаю ее больше воздуха и света, соедини нас священным обрядом.

– Но невеста не одета... – начал было правитель Иранхары.

– О, отец, она никогда не оденется в наши платья, и я думаю, что с ее приходом наша одежда несколько изменится, – улыбнувшись, перебил его принц.

– Я полагаю так же, что мы изменим немного традицию, и не будем стричь ей волосы? – спросил Иринарх.

– Конечно, они нужны мне будут в нашу первую ночь... – ответил Нарат, погрузившись на мгновение в свои мечты.

От этих слов у царя неприятно защемило сердце, но он, шутя, произнес:

– Я думаю, она нам быстрее уши отрежет, чем мы ей волосы. Ну, что ж давай сигнал, пусть горн созывает всех назад, и никакой дороги, ждите меня на постаменте.

Иринарх со вздохом встал и пошел приносить соболезнование хельстеинцам, мысленно подбирая слова для объяснения предстоящего Ритуала. Он понимал, что в их трагедии продолжение торжества будет неуместно, но осознавал всю правоту и логичность предложения принца.

Вопреки ожиданиям праздничная церемония прошла легко, непринужденно и весело. Традиции были нарушены во всем: одежда невесты не соответствовала канонам; она не шла из города по дороге до жениха, а стояла рядом с ним на постаменте и они вдвоем ждали Иринарха; принц после клятвы не надел на нее бабуши и халат; у новобрачных не отстригли волосы;

молодые не обменялись по традиции серьгами, а обменялись перстнями и царь, вместо того, чтобы поцеловать жену сына в щеки, поцеловал ее в губы. Все были так впечатлены красотой феерийских принцесс, увлечены обрядом и последующим пиром, что не заметили нарушений обычаев, а только потом вспоминали, что что-то было не сделано, но в контексте того, что пришла новая эпоха. За песнями, танцами, богатым угощением и вечерним огненным представлением забыли и о случившейся трагедии с Хелстеином и его дочерью.

Жители Иранхары и гости веселились до утра, и никто не заметил, когда и куда исчезли Нарат и Соломея, поэтому для всех осталась загадка – была ли соблюдена традиция, когда муж вносил на руках в город свою молодую жену.

Альвильда

Она не любила Либерталл. Шум и гам, конфликты и драки, огромное количество продажных девок, брошенных детей, пьяниц, калек и вонь, которую не мог перебить океанский ветер, свободно гуляющий по острову. Здесь не было ни хороших домов, ни приличных мест, остров, построенный пиратами, волей судьбы оставшихся на берегу, для пиратов, проплывающих мимо. Ко всем грехам этого места с недавних пор прибавилась и работоторговля. Корабли с рабами останавливались на острове, чтобы избавиться от заболевших и умирающих, как можно дороже продать калек и обессиливших, набрать пресной воды и немного развлечься на берегу.

Альвильда и Алан обычно останавливались здесь ненадолго, чтобы набрать воды и купить провизию, бросали якорь с обратной стороны острова, вдали от пристани и городских построек, и всегда старались побыстрее управиться, не привлекая внимания.

В этот раз на их привычном месте стояло еще три корабля, два из которых были с рабами и принадлежали капитану Локиру. Локир или Третий глаз, прозванный так из-за шрама на лбу виде глаза, был человеком толстым, маленького роста, с длинной косой, никогда не мывшейся и свалывшейся из-за грязи в мышинный хвост. Его неприглядная внешность отражала еще более неприглядный характер – он был задирист, жесток и криклив. За одно плавание он мог перерезать и выкинуть за борт пол своей команды, но, тем не менее, пираты охотно шли к нему на службу, так как бытовало мнение, что он чувствует прибыль носом и всегда там, где можно пожить.

Альвильде не понравилось, что он расположился на их месте, хотя этому была причина – в этот раз остров был переполнен пиратами, в порту и побережье теснились десятки судов, многим свободным капитанам в последний месяц сопутствовала удача, и они стремились ее отметить со всем присущим им размахом, а таким большим и тяжелым кораблям как у Локира, забиты они были рабами под завязку, для маневров требовалось место. Обойти Либерталл Алан в этот раз тоже не мог – позади был долгий путь, команда устала, да и пресной воды фактически не осталось, а ближайший остров, где можно было пополнить ее запасы, при хорошей погоде и попутном ветре был в трех – четырех днях пути. Но это при хорошей погоде, а она менялась не в лучшую сторону.

Альвильда, Алан и Фарелл сидели на возвышении на обломке скалы и наблюдали, как их команда перевозит на корабль провизию. Мимо них уже несколько раз прошел Локир, окруженный несколькими пиратами, при этом они громко смеялись и вызывающе смотрели на Альвильду.

- Третий глаз нарывается, – спокойно заметила она, наблюдая за пьяной компанией.
- Да брось ты, сейчас погрузимся и поплывем дальше, – безразлично ответил Алан.
- Если мы его потопим в море, погибнут рабы... – продолжила Альвильда.
- Зачем нам его топить и с каких пор тебя волнуют рабы?
- Ты предлагаешь оставить его в живых?
- Если мы будем убивать всех, кто кривляется или смотрит на тебя, боюсь не останется пиратов.
- Ну и что ж.
- Они нужны для равновесия жизни, – обняв ее, сказал Алан.
- Равновесия?
- Да. Это ведь явное зло и люди с ним борются. Если не будет с кем бороться извне, то начнутся внутренние разногласия и войны. Любому обществу нужен внешний враг, это его сплачивает, да и от своих проблем отвлекает.
- Интересная теория, ну а рабство?

– Рабство. Оно всегда было и будет. Раньше один народ завоевывал другой, превращая побежденных в рабов. Эти рабы были одного цвета кожи с их хозяевами, но суть от этого не меняется. Сейчас рабы стали отличаться внешне, и для белых людей это является явным оправданием своих действий. Черное рабство набирает силу, то, что мы сейчас наблюдаем, это начало, оно невинное по сравнению с тем, что ожидает, буквально лет через десять и далее.

– Да, возможно... – задумчиво согласилась Альвильда.

– Когда человечество переживет этот этап развития, рабство все равно останется, оно будет иметь другой цвет кожи, другую сущность, не будет столь явно выражено, даже завуалировано, – продолжил Алан. – Всегда найдутся люди, доля властности и жестокости которых, будет выше, чем у окружающих. Желание подчинять и подчиниться, к сожалению, это заложено в самой сути человека. Здесь природа сделала ошибку.

Тем временем, люди Локира привели несколько рабов с корабля, поставили их на колени перед капитаном, расположившимся напротив Альвильды, и тот начал их избивать плетью. Он был заметно пьян, но не настолько, чтобы не осознавать своих действий.

Альвильда, нахмурившись, смотрела вдаль на свой корабль, краем глаза наблюдая за происходящим. Она ощущала желание Локира добиться ее внимания, хотя бы взгляда в его сторону, доказать ей свое превосходство, распыленное желанием и удовольствием от происходящего. Маленький, злой, амбициозный и абсолютно недалекий человек допущенный судьбой к власти над людьми.

Среди рабов было две женщины, одну из них, ту, что была старше, Локир отдал своим сопровождающим и те с гоготом набросились на жертву. Другую, совсем еще юную, поставил напротив себя на колени и снял штаны, обнажив свое, совсем небольшое, но мужское достоинство. Девушка заплакала и упала на песок, один из рабов, по-видимому, кто-то из ее родственников, возможно отец, попытался за нее заступиться, тогда Третий глаз, достав меч, одним взмахом отрубил ему голову, бросив ее рыдающей рабыне.

Альвильда повернула голову в сторону происходящего, что было замечено Локиром, и он удовлетворенно оскалился.

– Все в путь, – вставая, сказал Алан. – Нам пора. Не упрямясь.

Но Альвильда не двинулась с места, тогда он развернулся и направился к подплывающей шлюпке. Она почувствовала, что Алан разозлился, но почему? Об этом она не стала задумываться, а сосредоточилась на происходящем на берегу.

В этот момент Локир распыленный убийством и вниманием Альвильды, велел принести, лежащую на берегу бочку, и положил на нее девушку. Но как он не сопел у него ничего не получалось. Тогда он перевернул девушку на живот и взял лежащую на берегу палку.

– Локир! – крикнула Альвильда, поняв, что тот собирается сделать. – Я сморю, ты настолько бессилен, что чтобы удовлетворить женщину, пользуешься дополнительными приспособлениями!

– Не беспокойся, дорогая, на тебя всегда сил хватит!

– Интересное самомнение, – продолжила, подходя к нему Альвильда. – У тебя и раньше, видимо было не очень, я сомневаюсь, что с таким-то размером вообще что-то возможно. А теперь-то у тебя точно никогда ничего не получится.

– Черт, Альвильда, Алан уехал, – шепнул ей, идущий следом Фарелл.

Альвильда махнула ему головой и остановилась напротив Локира. Его команда, бросив развлечения с рабыней, быстро направились к капитану, обнажив клинки.

– Мальчики, но зачем вы прервали столь интересное представление, – улыбнулась Альвильда, пристально оглядывая каждого. Затем она громко произнесла:

– На колени! Встаньте на колени и положите на песок оружие.

Третий глаз громко засмеялся, но увидев, что его команда встала на колени, изумленно вытаращил глаза и начал махать руками, раскрасневшись и пытаясь что-то сказать, но вместо слов только открывал рот.

– Ты, самый красивый! – Альвильда достала из-за спины свой меч и указала им на самого высокого и крупного пирата. – Возьми соседа и веревку, и привяжите своего бывшего капитана к бочке, задницей кверху.

Пираты схватили, пытавшегося бежать и беззвучно что-то орать Локира и привязали его к бочке. Остальные заворожено наблюдали за происходящим.

Альвильда подняла палку и протянула ее ничего не понимающей девушке. Та в свою очередь, замахав головой и руками, заплакала еще сильнее, упав перед ней на колени.

– Ну и дура, – сказала Альвильда и громко дала команду пиратам, – я подарю корабль Третьего глаза тому, кто отымеет своего капитана большее количество раз. А так как корабля два, то и победителей, тоже будет два.

Пираты быстро выстроились в очередь над обрётшим голос и кричащим уже охрипшим и повизгивающим голосом Локиром. С кораблей Третьего глаза стали спускаться находящиеся там и не понимающие что происходит пираты, но подбежав и выяснив в чем дело, так же становились в очередь, с любопытством поглядывая в сторону Альвильды и Фарелла.

Некоторое время понаблюдав за происходящем, Альвильда направилась к третьему стоящему у берега большому черному кораблю.

– Я думал, что это у Алана дар убеждения, надо же... Я и не подозревал... – пробормотал, идущий за ней следом Фарелл.

– Это что-то меняет?

– Нет, но в тебе столько силы... ты не его...

– А ты не его страж.

– Значит, мы могли бы быть вместе?

– Это ты куда-то не туда повернул. Давай для начала заберем этот корабль, потом сожжем этот чертов остров, он изрядно меня раздражает. А затем... затем, возможно, поговорим.

Им навстречу шла толпа пиратов с черного корабля, во главе с хромым капитаном. Они решительно достали мечи и кинжалы и уже готовились напасть.

Альвильда остановилась и подождала пока они подойдут ближе. Вдруг пираты остановились и опустили оружие.

– Приветствую вас, свободные люди и рыцари удачи, как зовут вашего капитана?

– Хромой Тайгер, – хором ответили пираты.

– Хорошее имя. Тайгер, я хочу, чтобы ты со своей командой сжег этот остров, – с улыбкой сказала Альвильда. – Никого не оставлять в живых... Никого. И... захватите с собой команду Локира, мне кажется, многие там уже закончили.

Проводив взглядом, удаляющихся людей, Фарелл заметил:

– Их мало, чтобы сжечь этот остров.

– Да. Но мы им поможем, подберем еще несколько команд, – задумчиво ответила Альвильда. – Только сначала, нужно отобрать десяток людей, чтобы они на некоторое время отвели от берега этот корабль. Красавчик, совершенно не хочется подпалить его ненароком.

– Это точно... Но как ты это делаешь? Это такой дар... Насколько я знаю, он доступен только...

– Шшш, – прошептала Альвильда и приложила палец к губам Фаррела, – Не все следует говорить вслух.

Иранхара

Он стоял на стене и пристально вглядывался вдаль. Он ждал ее, и его сердце переполняла радость встречи. Наконец-то он поймает мельком ее внимательный взгляд, дотронется до руки, будет стоять рядом и чувствовать ее присутствие, а если улыбнется удача, поправит прядь волос или складку на ее одежде. Его переполняло ожидание...

Прошло пять солнцестояний с момента Ритуала создания семьи Соломеи и Нарата. Через луну после них соединились союзом Синклар с Равшаном, они сразу уехали в Черный замок и навещать приезжали не часто. Несколько раз заезжал повидаться с Иринархом Гутлеиф, но большую часть времени он тоже проводил в Черном замке. Слухи доносили, что Равшан живет очень весело, он окружил себя танцовщицами и музыкантами, количество его наложниц тоже значительно выросло. Как относилась к этому Синклар, Иринарх не знал, но в те дни, когда вся семья собиралась во дворце, она и Равшан выглядели очень счастливыми.

Соломея оказалась неугомонной и деятельной принцессой. Все началось с того, что она решила достроить Башню Дев и Башню Знаний, а заодно немного изменить Северную башню, где обосновались они с Наратом.

На нижнем ярусе Северной башни пристроили террасу, на ней сделали узкий и длинный бассейн с морской водой, по краям расположили кушетки с навесами. Ступеньки в бассейн начинались сразу у выхода из приемной комнаты Соломеи. Вода из бассейна стекала водопадом по стене, уходя, для тех, кто смотрел со стороны в мостовую, но на самом деле она возвращалась в бассейн через сложную систему водопроводов. Соломея пригласила своих мастеров из Феерии, их идеи и знания очень удивляли и восхищали Иринарха. Приемную комнату принцесса не стала менять, только добавила несколько фресок с изображением виноградных лоз и девушек, да поменяла мебель на более мягкую и объемную, с красивой красной с золотом обивкой. Получилось очень уютно, Иринарх любил заходить в ее покои и на эту террасу, особенно когда Соломея плавала.

Из башен первой была начата Башня Дев, большое количество рабочих присланных с Феерии трудились там днем и ночью, поэтому башня была достроена быстро. Ровная и белая снаружи, внутри она была выложена дорогой мозаикой с вкраплениями камней и золотых элементов, на пол постелили мраморную плитку, а стены украсили фресками. В большой центральной комнате расположился маленький фонтан, окруженный круглым бассейном, и красивый сад с экзотическими цветами и растениями, привезенными из подобного сада в Феерии. Начиная со второго яруса, по кругу в башне было вырезано множество окон и окошек, что создавало впечатление, что стены были сплетены как кружево. В окна были вставлены витражи из белых и золотых Слез, поэтому солнечная сторона башни всегда блестела.

Все идеи принцессы обошлись казне достаточно дорого, но, ни Иринарха, ни Нарата это не беспокоило, им нравилось угождать во всем Соломею и они терпеливо ждали день, когда их допустят в башню для обозрения.

И вот этот день настал. Иринарх и его свита были приглашены в Башню Дев. Они вошли в большую гостевую комнату на первом ярусе, где посередине мягко журчал фонтан, вода стекала в бассейн с золотыми рыбками, в вокруг располагались кушетки с множеством шелковых подушечек. В больших вазах росли цветы и невысокие деревья, белый мраморный пол переходил в колонны, которые устремляясь ввысь, поддерживали потолок, выложенный разноцветной мозаикой из Слез, сквозь которые мягко проникал, лаская окружающую обстановку, свет.

Все были зачарованы, в комнате царила атмосфера восторга и изумления, нарушаемая редким перешептыванием и вздохами. Но когда присутствующие осмотрели стены, то смолк даже шепот, и в помещении повисла тишина. На искусно сделанных фресках были изображены акты любви и наслаждения мужчин и женщин, одних женщин или одних мужчин, компаний

из нескольких мужчин и женщин, при этом ни одна сцена не повторялась. Некоторые из гостей покраснели, некоторые молчаливо открыли рты, дамы понимая, что приличие требует отвести взгляд, тем не менее, пристально рассматривали рисунки. Первым нашелся Иринарх:

– Прекрасный фонтан Соломея, ты же покажешь нам остальные комнаты?

– Конечно, мой господин, – довольно улыбнувшись, принцесса повела гостей на верхние два яруса.

Но легче присутствующим от этого не стало. Это были большие комнаты, похожие одна на другую, уставленные креслами, кроватями и кушетками с множеством подушек, а за ширмами располагались круглая ванная и маленький столик с зеркалом. И в каждой комнате опять были фрески с еще более выразительными сценами. К фрескам добавились резные колонны и барельефы, где повторялись те же сцены только в более выразительном объемном варианте.

Несмотря на всю неожиданность и своеобразие Иринарху очень понравилась башня, он отпустил свиту и остался в верхней комнате, любясь видом из окна. Мягкая синева моря, переходящая в бесконечную глубину неба, успокоила его разыгравшееся воображение. Иринарх не ожидал от себя такого, но в каждой сцене он видел себя и Соломею, у него даже закружилась голова, когда он увидел, как Нарат нежно обнял и притянул к себе принцессу, целуя ее в волосы и что-то шепча ей на ушко. Успокоившись, Иринарх развернулся, собираясь уйти, и замер – перед ним стояла Соломея. Ее взгляд был серьезен и грустен, она щелкнула пальцами и в комнату вбежали три девушки, из одежды на которых были только длинные бусы в несколько нитей. Они подбежали к царю и нежно увлекли его на большую мягкую кровать. Иринарх не заметил, в какой момент ушла из комнаты Соломея, но за много лет, прошедших со дня смерти его жены, он позволил себе впервые расслабиться и предался всем возможным наслаждениям и утехам.

С этого дня Башня Дев ожила, там постоянно звучала музыка, песни и смех звонких женских голосов. Иринарх приглашал в эту башню гостей и некоторых из своих вельмож, сам же иногда оставался там на ночь. Многие из его двора, позаимствовав мастеров у Соломеи, в своих домах в некоторых из комнат тоже сделали себе подобные фрески и барельефы.

В городе же появилась мода не некоторую чувственность – женские платья стали откровеннее и прозрачней, вслед за принцессой женщины стали поднимать волосы в высокие прически, украшенные камнями, обнажая шею, на которой красовались различные рисунки и орнаменты. Городские модницы стали украшать росписью ноги и руки, в моду вошли сандалии с золотыми ремешками, тонкие браслеты и хаары, переходящие в легкие туники. Жители города незаметно для себя изменились, передавая новшества остальным жителям страны. Под внимательным взором принцессы менялся и сам город.

Вскоре достроили и Башню Знаний. Она была полной противоположностью Башне Дев. Также сияя белизной снаружи, внутри ее стены были красных и коричневых с золотом оттенков, а на фресках изображены сцены охоты и битв. Пол украшал растительный орнамент, повторяющийся на резной деревянной мебели и канделябрах для свечей. В главной комнате на нижнем ярусе располагалась библиотека. Всего в башне было три яруса, находящихся друг над другом. В верхних двух располагались гостевые покои, на стенах которых красовались искусные фрески и картины. Самым красивым помещением, по мнению Иринарха, была Комната заката. Ее большие окна выходили на запад, туда же была повернута вся мебель, так что заход солнца был виден с любой точки комнаты. В помещении присутствовали только белые и голубые оттенки, а главным украшением служила большая резная круглая кровать, с легким прозрачным пологом. Все в этой комнате располагало к тишине, покою и чтению, или размышлению о вечном, кому что нравилось.

Закончив строительство башен и реконструкцию Северной башни, Соломея принялась за пирс и набережную вдоль моря. По ее распоряжению рабочие выложили из брусчатки дорожки и поставили небольшие открытые павильоны и увитые лианами беседки, в некоторых

местах к воде спускались ступеньки. Море в этом месте всегда было спокойное, позволяя горожанам наслаждаться своей свежестью в любое время дня и года, поэтому набережная со временем стала излюбленным местом отдыха и встреч жителей Арзу.

Кроме того, по распоряжению Соломеи, на подходах к Белому городу начали прокладывать новые акведуки, дополнительно строить каменные дороги, с южной стороны выкладывать большую площадь, где принцесса планировала разместить палатки торговцев, выведя их всех из города.

Иринарх поддерживал Соломею во всех начинаниях. Ему нравилось слушать ее часам, когда она рассказывала о ходе строительства и своих планах, показывала схемы, рисунки, знакомила с мастерами, обсуждала с ним камни и сплавы. Иногда, когда она спрашивала совет у царя, или ей нужно было воспользоваться казной, Соломея устремляла свой глубокий задумчивый взгляд на него, даря Иринарху минуты блаженства. Если в течение дня принцесса не приходила к царю, он искал повод увидеть ее хоть мельком, а дни, когда они уезжали с Наратом на охоту или в Черный замок, тянулись для него вечностью. Чтобы чаще быть рядом с Соломеей Иринарх обязал Нарата присутствовать на Судебных днях, поставив рядом со своим тронем, чуть ниже слева от постамента, еще два трона для принца и принцессы. Часто он затягивал рассмотрение дел до глубокой ночи, ему доставляло удовольствие ловить мягкий взгляд принцессы, мельком рассматривать ее лицо, следить за движением рук, поворотом головы, слушать, когда она высказывалась по какому-либо вопросу.

Единственное, что постоянно расстраивало, иногда даже злило Иринарха, это то, что рядом с Соломеей постоянно находился Нарат. Они делали все вместе – устраивали спарринги на мечех, плавали в бассейне, выбирали новые материалы для оформления помещений, выслушивали мастеров и принимали купцов, осматривали строительные площадки, встречались с населением страны. Одним словом, Нарат не отвлекался ни на минуту, всегда и везде следовал за принцессой, ему не нужны были ни наложницы, ни развлечения, ни отдых, принц полностью был сосредоточен на своей жене. Однажды Иринарх вошел в Залу и увидел на террасе как Соломея, сидя на кушетке, рассматривала какие-то эскизы, а Нарат присев со спины обнимал ее и целовал в шею. От увиденного у царя разболелась голова, и он оставшуюся часть дня не выходил из своих покоев.

Но в целом все шло благополучно, пока однажды Соломее не пришла в голову идея обновить брусчатку в городе и сделать вдоль дорог каменные водостоки. По ее распоряжению каждый житель города должен был сам отремонтировать дорогу напротив своего дома или нанять у Соломеи рабочих, чтобы они это сделали за него. Некоторые горожане сделали все сами и очень быстро, но многие зажиточные купцы и вельможи не откликнулись на ее распоряжение, либо вели работу очень медленно.

В один из дней Соломея возмутилась, сердито высказав Иринарху, что он слишком добр к своим приближенным, и что работу в этом направлении необходимо ускорить. На что Иринарх, нежно поцеловав ей руку, ответил: «Душа моя, до твоего появления жизнь в этом городе текла медленно и степенно, ты привнесла слишком много нового и за такой короткий промежуток времени. Они все хорошие и верные подданные, многие из них прошли со мной войну и строили этот город, им нужно время, чтобы привыкнуть к твоим бесконечным идеям. Поверь мне, они все сделают в свой срок».

Принцесса нежно улыбнулась в ответ, и у Иринарха отлегло от души, его беспокоило, когда ей что-то не нравилось.

На следующий день, после семейного обеда, когда под мягкую и переливающуюся музыку, лежа на кушетках и наслаждаясь танцовщицами, вином и кальяном, царская семья отдыхала в Башне Дев, Нарат сказал:

– Наш царь и мой отец, мы с моей наипрекраснейшей женой завтра отъезжаем в Феерию. Пришло время навестить ее отца, славного Дильдабека, и пригласить его погостить в нашем городе. Уже много лун прошло со дня как нас благословили, а вы еще с ним лично не знакомы.

У Иринарха защемило в груди, но он, проведя рукой по бедру подошедшей к нему танцовщицы, спокойно спросил:

– Как долго вы будете отсутствовать?

Соломея повернула голову и посмотрела в его глаза долгим холодным взглядом:

– Я думаю, пока в городе ведутся работы по перекладке дорог... Еще я думаю, что стены домов, выходящие одной из сторон на центральные улицы, нужно выложить голубой и белой мозаикой, хотя бы до половины первого яруса.

– В городе очень шумно и пыльно, я считаю, что Соломее нужно от этого отдохнуть, – добавил Нарат.

Иринарх промолчал, кивнув в ответ головой. На следующий день, к великому его огорчению, они уехали.

Не прошло и двух лун, как правитель Иранхары отправил Нарату птицу с известием о том, что дороги со стоками по краям в городе доделали, стены домов выложили мозаикой, дополнительно заменили кладку фонтана и мостовую на центральной площади. В письме царь настаивал на возвращении детей домой, дабы это непорядок такое долгое отсутствие наследника.

Через некоторое время в ответ прилетела птица с письмом, о том, что Соломея и Нарат отправляются в обратный путь и просят собрать всю царскую семью во дворце, чтобы представить им отца Соломеи и Синклар.

По приглашению царя во дворец прибыли счастливые и влюбленные Синклар с Равшаном и мрачные Гутлеиф и Аружан. Иринарх не видел Аружан со дня Ритуала создания союза Соломеи и Нарата. При встрече ему показалось, что принцесса подурнела и не ухожена, он даже подумал, что пора Гутлеифу взять новую жену.

Все эти годы, время от времени Иринарх думал о том, что у его сыновей до сих пор нет наследников, это печалило царя, он ругал себя за то, что разрешил им быть невоздержанными в юности, в результате, полагал он, они израсходовали все свое живое семя. Но глубоко в душе он не хотел наследников у Нарата.

Во дворце все было готово к возвращению принца и принцессы из Феерии. Иринарх в очередной раз вышел на стену. После того, как пришло известие, что Нарат и Соломея пересекли Золотые горы, он делал это уже несколько раз, хотя знал, что они придут ближе к первой звезде. Он стоял на площадке и пристально вглядывался вдаль. Его переполняло ожидание...

Альвильда

Алан наблюдал за горящим вдалеке островом. Он несколько раз оплыл вокруг, но не заметил удаляющихся с острова кораблей. Он сильно волновался и ругал себя за то, что оставил там Альвильду. Когда смотрящий ему сообщил, что остров горит, Алан удовлетворенно подумал, что все, Альвильда исполнила свое желание и скоро подойдет к нему на одном из кораблей, возможно даже на корабле Локира. Но ее не было, а остров пылал уже третьи сутки и никто от него не удалялся и не приближался к нему.

Алан задумчиво смотрел на факел в ночи, окруженный океаном. Он всегда злился из-за упрямства и своенравности Альвильды, сколько раз он хотел оставить ее в море или где-нибудь на необитаемом острове, чтобы она наконец-то изменилась. И вот этот момент настал, и чаша терпения была переполнена. Сейчас он понимал, как это было глупо, но в тот миг, когда она не послушалась его в присутствии Фаррела, внутри его все вскипело, и он ушел.

Иногда они ругались и не разговаривали неделями, но затем всегда мерились и дарили друг другу подарки. Он дарил ей кинжалы, мечи, ножи и шпаги для ее коллекции, у него всегда в запасе лежало оружие, на случай если они поругаются, а затем простят друг друга. Она же всегда дарила ему сюрпризы, и почти всегда себя, как самый ценный подарок. Но Альвильда никогда не менялась, и он знал, что она не изменится. Знал это с самого первого взгляда в ее постоянно меняющиеся оттенки глаза. Он смотрел вдаль, и перед ним вновь и вновь проходила их первая встреча...

Как-то раз отец попросил его забрать из поселения Мадхав, что на берегу Индийского океана, дошу по имени Вильда.

– Она будет ждать тебя там, через шесть полных лун, привези ее ко мне, но если не сможешь расстаться, оставь себе, – попросил он сына, улыбнувшись на второй части фразы.

– Бодуен, у тебя есть Хэлл. Зачем тебе кто-то еще нужен? – спросил он.

– Она не мне нужна, а тебе...

– Отец, мне нужны только свобода и море! – возразил Алан. – Я еще не созрел, чтобы иметь рядом спутницу, и, думаю, что никогда мне такая идея не придет в голову. Да и кто согласится жить со мной в море? Кто согласится на постоянные путешествия и опасность бурь?

– Ты забыл, у дош нет выбора.

– Я помню, но полюбить-то я смогу только лучшую из женщин – живую, красивую, сильную. Понимаешь, сначала полюбить... Но она будет абсолютно ненормальной, если последует за мной в море, а вот ненормальная мне не подойдет, потому что я предпочитаю умных. А еще сильных и...

– Я уже слышал эту историю, – перебил рассуждения сына Бодуен. – Я тебя только прошу, забери ее из этого заброшенного Вечностью места, за ней будет погоня. Если вы не сойдетесь характером, привези ее мне. Никто тебя не заставляет в нее влюбляться. И не задирайся – она великолепно обращается с кинжалом.

– Не смейся! Еще не появилась доша способная победить меня.

– Думаешь?

– Отец перестань! Я привезу ее к тебе и постараюсь быть обходительнее, раз ты просишь, но не более.

Алан отправился к берегам Бхарат, но до Мадхав так и не дошел.

Когда до точки назначения оставалось пять дней пути, ему повстречалось небольшое торговое судно. Была ясная погода и смотровой ее заметил издалека. Капитан с командой уже было собрался взять галеру на abordаж, но та сама остановилась, спустив флаг и подняв весла из воды.

Когда Алан зашел на палубу, команда галеры приклонила перед ним колени. Стоять осталась только она.

Длинные темные волосы обрамляли красивое лицо с кожей цвета белого песка, синие глаза смотрели прямо и решительно, но при этом мягко и с иронией. Но больше всего его поразило, ни яркая привлекательность и стройность незнакомки, а количество оружия «одетого» на ней. На руках, чуть ниже локтей располагались два акинака, в кожаные ножны на икрах было вставлено по кинжалу, с пояса свисал тонкий клинок, из-за спины выглядывал меч, как потом оказалось тальвар⁵. Одета в кожаные доспехи, она выглядела как богиня войны, случайно сошедшая с небес.

Алан некоторое время пораженно рассматривал незнакомку, затем нашелся и с иронией произнес:

– Прекраснейшая, а вы уверены, что вы случайно не порежетесь? Все-таки вещица у вас за спиной остренькая.

– Я уже давно вас жду капитан, – проигнорировав его тон, сказала «богиня».

– Зачем?

– Ваш корабль удобнее, больше и быстрее моего.

– Вот как? – капитан с усмешкой присвистнул.

– Да, он мне понравился, и я предлагаю пари. Выигрываете вы – забираете меня и мою галеру, но если выиграю я, то я забираю вашего «дракончика».

Алан от неожиданности потерял дар речи, незнакомка, воспользовавшись этим, продолжила:

– Ну же капитан, что вы теряете? Пара минут времени, я же навряд ли умею лучше вас обращаться с моей остренькой вещицей. Тем более по закону свободных людей вы обязаны ответить на мой вызов.

– Черт, красавица, ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю! – Алан резко вынул из ножен меч и первым начал поединок.

Он не собирался ее щадить, и удары наносил со всей силой и приобретенным годами умением. У него не было желания убить или поранить ее, но он хотел победить, хотел, как никогда в жизни завоевать и подчинить. Он представлял, как подставит клинок к ее нежной шее и слегка надавит, а затем скажет, что-то типа «ну что доигралась» и поцелует ее. А затем... затем он сожжет ее корабль, а она будет исполнять все его фантазии, а потом, вполне возможно и такое, он бросит ее за борт...

Пока Алан пребывал в своих грезах, нанося удар за ударом, незнакомка легко, как мотылек в танце, вертелась вокруг его меча и словно железный рыцарь наносила ответные и на удивление сильные удары.

«Вечность, откуда в ней столько энергии», – подумал Алан и, отвлекшись на свои мысли, не заметил как незнакомка, крутанувшись вокруг него, ударила его ногой под колени, и когда он начал терять равновесие в прыжке толкнула его в спину. Алан упал на колени, и она, вдруг очутившись перед ним, со всей силой ударила его в грудь, так что он опрокинулся навзничь. Затем, один прыжок и она расположилась на нем, сжимая его грудь коленями, и прижала острие акинака к его горлу. Он лежал на спине и не понимал, как такое могло произойти.

Незнакомка же, наклоняясь и закрыв его лицо от окружающего мира тяжелым занавесом волос, пахнущим морем, медленно с улыбкой поцеловала его в губы.

Затем встала, молча разглядев его и протянув руку, произнесла:

– Меня зовут Вильда, извини, я не дождалась тебя на берегу. Было скучно, а тут подошла такая миленькая галера, что я не удержалась и решила встретиться тебя лично. Не сердись, я дам тебе бой реванш.

⁵ Индийская сабля, прим. автора.

– Я не сержусь. Был хороший урок..., я еще изучу твою технику, если ты не против. Итак, Вильда, куда направляемся?

– Альвильда. Я подумала, что моя жизнь должна измениться и имя тоже.

– Хорошо, Альвильда. Альвильда, так куда держим путь?

– Куда скажешь, капитан.

– Но, ты же победила?

– Да, но приз я заберу в следующий раз, а сейчас мне хочется просто отдохнуть.... Составишь мне компанию?

– А твое судно?

– Дарю его тебе.

С этого дня они никогда не расставались, никогда более чем на один день.

Их отношения не были гладкими, они были как окружающие их воды, то спокойными и нежными, то бурными и эмоциональными, то теплыми, то холодными. Они не просто любили друг друга, настолько насколько способны были их души, они были частью друг друга, но в тоже время они не могли объединиться в единое целое до конца...

Несколько раз Алан оплыл остров, и когда на нем закончился пожар, он с командой прошел его вдоль и поперек. На своем пути они встретили только сгоревшие постройки, деревья и множество трупов. Вокруг прошел бал смерти, и она забрала свою дань, оставив только крабов, муравьев и редких птиц. Они не нашли никаких признаков пребывания на острове Альвильды. Его желание, желание оставить ее исполнилось так точно и неожиданно. Он оставил ее на острове, но как теперь жить без нее?

«Хорошо, что с ней Фаррел», – сначала подумал он, но потом его обуяла ревность. Он вспомнил, как Фаррел смотрел на нее, как тот всегда был ее тенью и как остался с ней, когда он, Алан, ушел...

Прошел год, а Алан все еще кружил по океану в поисках Альвильды. Под руку со временем ушла ревность, ушло отчаяние и ненависть к себе за глупый и непростительный поступок, осталась только надежда, надежда на то, что он хотя бы еще раз ее увидит, даже если она не захочет с ним остаться.

В день сожжения острова, Алан опять вернулся к нему. Жизнь на Либерталл начала возвращаться, на нем опять появилась зелень, прилетели птицы, но корабли обходили его стороной, считая, что на острове живет безумие, и души умерших в том пожаре пиратов, все еще требуют крови и не могут найти покоя.

Алан сидел на осколке скалы, как в тот день, когда они расстались с Альвильдой и наблюдал как его люди, нагрузив шлюпку водой и дичью, направили ее к кораблю.

Он задумчиво смотрел на небо и, в очередной раз грустно думал о том, что судьба позволила его ложному желанию сбыться. О, как он когда-то мечтал, что оставит Альвильду и будет свободен. Но когда остался без нее, вдруг понял, что ему не нужны ни его свобода, ни его жизнь, все потеряло значение без нее. Алану стала безразлична ее строптивость и вспыльчивость, ему так хотелось, чтобы она сейчас была рядом. Пусть с Фаррелом, тот же оказался лучше его, но только рядом.... Как много бы он отдал за то, чтобы вернуть тот момент, момент, когда он встал и ушел. Алан вновь глубоко погрузился в свои мысли и вдруг почувствовал холод стали на своей шее.

– Ты неосторожен, это может тебя погубить, дорогой.

Альвильда, не обращая внимания на то, как пораженно застыл Алан, будто бы ничего не произошло села рядом, чуть впереди, так же как год назад. Рядом с ней присел Фаррел.

Они сидели, молча наблюдая за возвращающейся от корабля шлюпкой. Алан несколько раз пытался собраться с мыслями и заговорить, но слова не шли к нему, он потерял как дар речи, так и дар мысли.

Из прибывшей шлюпки вышли пираты и также удивленно застыли.

– Ну что, черти, рассказывайте, что натворили! Что рты пораскрыли? Мать вашу и ее мать! – громко крикнул на них Фаррел и отправился к шлюпке, оставив Алана и Альвильду одних.

– Ты была с ним, – тихо произнес Алан, и в то же время мысленно себя выругал: «О вечность, что ты делаешь, разве это важно».

– Это единственное, что тебя волнует? – ухмыльнувшись, спросила Альвильда.

– Нет... ни это.... Прости меня.

– И ты меня прости...

Они помолчали некоторое время, затем встали и, взявшись за руки, долго рассматривали лица друг друга.

– Давай больше не будем ссориться, а когда захотим поругаться, то будем молча расходиться по разным кораблям, – первой заговорила Альвильда. – У меня за мысом в бухте стоит настоящий красавец.

– Согласен, мы больше никогда не будем ссориться, – поддержал ее идею Алан. – Я приготовил для тебя прекрасный образец кханда⁶, пришлось серьезно поговорить с одним индусом...

– Ты все равно будешь думать о нас с Фаррелом. Да? – перебила его Альвильда.

– Да, наверное, но я понимаю, что это я оставил тебя, а он остался с тобой... Он более преданный... да и надежный...

– Я хотела уйти от тебя, я была поражена тем, что ты меня бросил... Если бы мне не хватило силы, меня могли бы убить, а ты даже не оглянулся и даже не попытался вернуться. Мне было обидно, и я чувствовала, что разочаровалась в тебе... Но чем дальше я от тебя отплывала, тем бессмысленней было все произошедшее. Все это ненужные амбиции. Я не могу жить без тебя и именно это главное, а все остальное мимоходом... Да он был со мной все это время. Он мне нравится, и он совершенно не плох. Но моей душе нужен только ты. Пока мы были вместе, я не знала это, я не ценила это... Но когда осталась без тебя, поняла, что ты и есть моя суть, моя основа...

– Я тоже..., – попытался заговорить Алан.

– Шшш..., – Альвильда прижала пальцы к его губам и продолжила. – Но я прошу тебя, не ругайся с Фаррелом. Я отдам ему мой корабль, но прогнать я его не могу, пока не могу. Придет время и мы расстанемся, но сейчас, я хочу, чтобы он был рядом. Так лучше будет и для него и для меня. Да и для тебя тоже, ты поймешь это, хотя и не сразу...

– Я понимаю, я постараюсь...

– Его присутствие принесет спокойствие в наши отношения, глядя на него, мы всегда будем понимать, что мы могли расстаться навсегда.

– Прости еще раз, клянусь, я больше никогда тебя не оставлю, – сказал Алан и поцеловал ее, крепко-крепко прижав к себе. Весь мир остановился вокруг, для него существовали только ее губы, ее холодная теплота, ее прикосновения.

В этот миг они оба поверили, что все изменилось, что они изменились.

⁶ Индийский меч или палаш, прим. автора.

Иранхара

К огромному сожалению Иринарха, отец Соломеи выглядел моложе его и намного моложе своих лет. Он был не высок, и не сказать, чтобы приятен внешне – кожа темнее обычного, черные, завивающиеся волосы, тонкие черты лица и глубоко посаженные глаза, но в нем чувствовалась энергичность и ум, что привлекало в нем. Дильдабек прибыл один без жены, прекрасная Арахн осталась в Феерии смотреть за порядком. Нарат рассказал отцу, что это очаровательная молодая женщина, самая красивая из живущих, после Соломеи естественно, и что Синклар на нее очень похожа – они как две капли воды. Дильдабек заверил, что в свой следующий приезд обязательно будет с ней и это событие не заставит себя долго ждать.

Встреча прошла приветливо и непринужденно. Дильдабеку очень понравилась Башня Дев, он по достоинству оценил красоту и мастерство фресок и барельефов. Но обосноваться решил в Башне Знаний, ему приглянулась Комната заката. В то время как Синклар и Равшан обосновались в Башне Дев, а Гутлеиф и Аружан, как обычно, остановились в Башне Приветствия.

В честь приезда Дильдабека был организован семейный обед, хотя Иринарх изначально хотел устроить большой городской праздник и скачки в честь приезда дорогого гостя. Но отец Соломеи, сказал: «О, великий правитель, в Феерии мы ведем тихую замкнутую жизнь, я привык к тишине и с удовольствием проведу время в кругу моей новой семьи».

Такой ответ понравился Иринарху, но он все равно настоял, чтобы через несколько дней были проведены лошадиные бега и выступление лучших легионеров Иранхары, в котором те покажут мастерство боя и владения оружием.

Обед проходил в узком кругу. Были приглашены главный визирь с семьей, главный командующий города с детьми и еще, в знак уважения, несколько знатных городских вельмож с женами. Звучала тихая музыка, и мягкие отблески свечей играли на серебряной посуде, шелковых платьях и украшениях присутствующих.

Дильдабек подробно рассказывал о том, как жил без дочерей, как он доволен их семейной жизнью и всячески восхвалял увиденное в Иранхаре. В один из моментов он посмотрел на Гутлеифа и спросил, почему его жена, славная Аружан, так напряжена и сердита. На что принц ответил:

– О светлейший, я женился на прекрасной девушке, улыбчивой и внимательной, ее внешность, грация и обходительность пленили меня. Но, прошло немного времени, и она перестала отвечать на мои желания, стала постоянно чем-то недовольна, ее одежда и прическа старомодны и неаккуратны. Все мои попытки изменить это, или подружить ее с вашей дочерью Синклар, безуспешны...

Аружан, услышав ответ мужа, покраснела и злобно блеснула глазами на Гутлеифа.

– ... Моя жена не выезжает со мной ни на охоту, ни в Черный замок, да и к царю, за последние пять поворотов Солнца приехала впервые, – задумчиво закончил принц.

– Странно, Аружан, ты была такая... активная и уверенная в нашу первую и последнюю встречу. Может тебе нужно развеется, поехали с нами после утренней церемонии на охоту, я тебе одолжу одно из моих дорожных платьев, – предложила Соломея. Но, несмотря на ее приветливый тон и улыбку, Аружан почувствовала тот же холодный бездонный взгляд Соломеи, именно почувствовала глубоко в сердце, а не увидела, и поняла, что сейчас или позже, но окончание их первого разговора состоится. От этого она съежилась и стала еще менее привлекательной.

– А потом искупаемся в Арзу, – добавила весело Синклар. – У Гутлеифа хорошие воспоминания об этом озере!

Аружан помрачнела еще сильнее, но ничего не ответила.

– Ну что вы, мои красавицы, – вмешался Дильдабек. – Вам бы все скачки и развлечения! Аружан серьезная и умная девушка, вы езжайте, а мы с ней посмотрим завтра библиотеку. Если вы, мой друг, не против? – обратился он к Гутлеифу.

Принц в ответ довольно махнул головой, день, проведенный с Синклар и Равшаном, обещал быть приятным и насыщенным.

Аружан, в свою очередь, благодарно улыбнулась Дильдабеку.

– Ну, если вы, мой уважаемый отец, собираетесь провести день с Аружан, может быть, вы случайно зайдете в Башню Дев, там тоже есть на что посмотреть, – с иронией добавила Синклар. – Возможно к первой звезде она дождется Гутлеифа в более приподнятом... приподнятом настроении.

За столом все засмеялись. Аружан покраснела еще сильнее, но натянуто улыбнулась вместе со всеми.

В этот момент Иринарух стало жалко принцессу, он хотел было заступиться за нее, но на спасение Аружан пришел правитель Феерии.

– Моя прекрасная Синклар, поверь мне, книги и хорошая беседа иногда бывают ценнее любых развлечений. Но мы с Аружан, с согласия Гутлеифа, можем выпить по бокалу вина, дожидаясь вас...

Принц, еще более довольный, повторно махнул в ответ головой.

– ...Наимудрейший Иринарух, я думаю, вам тоже пойдет на пользу купание в озере, – добавил Дильдабек.

– Возможно, я подумаю над этим, – улыбнулся в ответ царь, и взглянул на Соломею. Ему показалось, что та очень внимательно и изучающе смотрит на Дильдабека. «У них крепкая семья», – подумал он. – «Но хорошо, что дочери внешне на него не похожи».

После утренней церемонии Равшан, Синклар и Гутлеиф отправились на охоту. Соломея и Нарат, к большому удовлетворению Иринаруха, решили осмотреть изменения в городе и провести время с ним, но, к сожалению для него, день пролетел слишком быстро. На вечерней церемонии принцесса поцеловала Иринаруха в щеку и шепнула: «Я очень скучала, мой господин, надеюсь, мы больше не будем надолго расставаться». Вспоминая эту маленькую ласку, Иринарух уснул бесконечно счастливым.

В развлечениях и заботах незаметно прошло две луны.

В один из дней Иринарух поднялся на смотровую площадку и увидел там одиноко стоящую Соломею. Она задумчиво смотрела на появившуюся на небе Луну, ее тоненькая фигура, одетая в белые легкие одеяния в сумерках выглядела как мираж. За все время, прошедшее со дня появления принцессы в его жизни, он впервые видел ее одну. Это наполнило его душу радостью, но в тоже время встревожило:

– О, очаровательная Соломея, что случилось и почему ты одна и здесь? О чем грустит твое сердце?

– Сегодня луна, как в первый день нашего знакомства, мой господин, – произнесла Соломея, не отвечая на вопрос.

Иринарух некоторое время помолчал, любуясь вечерней равниной.

– Позволь спросить тебя, прекраснейшая, кто эта девочка, которую ты привезла с собой из Феерии?

– Это дочь моей служанки Агот. Она умерла в мое отсутствие, оставив дочь одну. Ее зовут Лаерк. Вы не против, мой господин, она останется со мной.

– Я не против, дорогая.

Иринарух взял руку принцессы в свои ладони и посмотрел ей в глаза, его переполняли чувства, он помолчал и, собравшись с мыслями, спросил:

– Ты грустишь из-за смерти служанки?

– Можно я проведу сегодняшнюю церемонию? – опять не отвечая на вопрос, сказала Соломея.

Иринарху показалось, что он утонул в глубине ее взгляда, и чтобы не выдать свое волнение он, махнув головой, отошел в сторону. Раздался звук горна, Соломея подняла руки и ей в ответ жители Иранхары, выйдя из своих домов и окончив дела, подняли руки вверх, приветствуя своего правителя.

С этого дня Соломея всегда проводила вечерние церемонии, а царь стоял рядом и любовался ею. Нарат с ними не поднимался на стену, и Иринарх наслаждался этими минутами – ему казалось, что в его доме царит счастье. Но в один из дней начались неприятности.

После утренней церемонии, Аружан спускалась по ступенькам, споткнулась и подвернула ногу. Ее уложили в постель, и она попросила Гутлеифа остаться с ней. В последнее время Аружан выглядела очень бледной и уставшей, от еды ей было плохо, и у всех зародилось подозрение, что принцесса, наконец-то ждет ребенка, по этой причине муж старался быть к ней как можно более внимательным. Принц остался ухаживать за женой, а Синклар с Равшаном, как всегда счастливые, веселые и шумные, отправились прогуляться до озера у башни Арзу, что с восточной стороны столицы.

Через некоторое время во дворец вернулась испуганная и опечаленная стража – случилась беда. Как потом выяснилось, конь Равшана на большой скорости споткнулся и подвернул ногу. Падая, принц ударился головой и прилег отдохнуть в тень. К несчастью рядом оказалось несколько гнезд скорпионов, которые, по причине только известной им, напали на людей и спящего Равшана. Бог спас Синклар, в этот момент принцесса плавала в озере. Погибло несколько стражников и принц.

Семья была убита горем. Синклар не выходила из своих покоев, а после того как тело принца было предано погребальному костру, отбыла в Черный замок. Чтобы не оставлять ее одну, Гутлеиф уехал с ней, забыв об Аружан.

Аружан, так расстроили эти события, что она впала в беспамятство, повторяя в бреду, что носит под сердцем земное воплощение зла, а не ребенка Гутлеифа. Ее слова списали на ревность и неожиданную трагедию. Через несколько дней, придя в себя, принцесса собралась и со стражей отбыла к себе в Красный замок. Никакие уговоры и просьбы о том, чтобы она осталась, на нее не подействовали и не убедили, а так как всем в эти скорбные дни было не до ее капризов и причуд, принцессу отпустили. Через некоторое время прилетела птица с сообщением, что Аружан благополучно доехала до замка и чувствует себя хорошо. Но через две луны прибыл один из легионеров Красного замка с печальными известиями – Аружан потеряла ребенка и умерла сама. Как ни странно никто из семьи не отправился на Юг, чтобы присутствовать на погребальном костре первой принцессы Иранхары. Гутлеиф также не поехал проводить жену в последний путь, он обосновался в Черном замке, утешая и заботясь об Синклар.

Соломея была молчалива и печальна, она редко выходила из своих покоев, не появлялась даже на террасе, чтобы поплавать в бассейне, хотя до этого не пропускала и дня. Иринарх грустно наблюдал за ней, его горе, к удивлению для него, отошло на второй план, так ему хотелось утешить принцессу. Нарат так сильно переживал о смерти любимого брата, что через луну его поразил неизвестный недуг, он начал бледнеть и худеть, и в один из дней слег в постель. Соломея не отходила от мужа ни день, ни ночь. Иринарху казалось, что она перестала есть и спать, а горе ее не знает предела.

Но беды на этом не остановились, из Феерии прискакал начальник дворцовой стражи Ерсус с сообщением о том, что убита прекрасная Арахн. Ее обезглавил влюбленный в нее воин Сабит, а сам после этого бросился в море. Дильдабек, пораженный неожиданным горем, не мог найти себе места – сначала он в отчаянии метался по комнате, а затем быстро собрался в дорогу.

Соломея взялась проводить отца до озера Арзу. Попрощавшись с Иринархом у Северных ворот, Дильдабек вскочил на коня и медленно направился через равнину в сторону оливковых садов. За ним последовала Соломея.

– Я оставила себе Ерсуса, – сказала она.

– Зачем он тебе, он не уберег Арахн, не поможет и тебе, – сердито отчеканил Дильдабек.

– Ты же знаешь, он не виноват, Арахн предупреждали быть осторожнее с лю... с мужчинами. Она была не воздержанна в желаниях и играх, – резко ответила принцесса.

– А я говорил тебе, что ее нужно забрать сюда! Это все ты со своими пла... идеями. Давай ускоряйся, я даю тебе еще...

Дальше Иринарх уже не слышал, о чем они спорили, так как они удалились далеко вперед, но его удивила грубость в тоне Дильдабека и неожиданная резкость Соломеи. Царь подумал, что смерть жены опечалила Дильдабека настолько, что он не контролирует себя, а болезнь Нарата и усталость сделали принцессу раздраженной. Споря, правитель Феерии и Соломея исчезли из вида, а Иринарх, предварительно зайдя проведать Нарата, поднялся на Смотровую площадку и стал дожидаться возвращения принцессы. В тот вечер она была молчалива и еще более печальна, чем обычно.

Через луну после отъезда Дильдабека в Феерию умер Нарат.

Иринарху казалось, что земля скоро сойдется с небом и наступит пустота. Он не мог остановить события и чувствовал, как его душа разрывается. Он не мог рыдать, он не мог кричать, говорить, есть и спать. Он не понимал, как такое могло произойти, как мог наступить тот миг, когда грань между все хорошо и все потеряно стерлась.

Иринарх сидел в Зале и смотрел на пустой трон сына, как вдруг он почувствовал, что оцепенел, все было как во сне, а он наблюдал со стороны и не мог поверить в происходящее. На погребение приехали Синклар и Гутлеиф, царь отметил про себя, что они прекрасно выглядят. «Это хорошо», – подумал он. – «Их объединило горе и возможно это будет удачный для всех союз». Соломея была как в тумане, он видел ее бледную и нахмуренную, но не слышал, не ощущал, она как тень появлялась и исчезала. Прошли все ритуалы, но Иринарх их не заметил. Он очнулся, когда увидел, что догорают последние угли скорбного костра. Потом заметил, что остался один, стража держалась вдалеке, не беспокоя его своим присутствием. Постояв еще немного, царь тихо побрел к себе в башню. Он чувствовал, что постарел и очень устал, что его душа где-то глубоко в колодце и возможно он хочет туда же, подальше от произошедшего.

Поднявшись в свои покои, Иринарх подошел к окну и замер, наблюдая за беседой звезд, которые то загорались ярче, то слегка мутнели. Луна мягко светила, погруженная в свои мысли, легкий ветерок обещал прохладу утра, стрекот ночи говорил о бесконечном течении жизни – все было также как всегда, но уже где-то рядом не было Равшана и утром он уже не увидит Нарата. Его сердце замерло, в груди застыл безмолвный крик, и он закрыл глаза. Иринарх простоял так некоторое время и вдруг почувствовал, что в комнате кто-то есть. Оглянувшись, он увидел Соломею, она сидела в кресле и наблюдала за ним. Их глаза встретились, ее взгляд был глубок как небо за окном. И в этот момент в голове Иринарха все перемешалось, в миг проскочили воспоминания об их первой встрече, о прекрасной невесте у алтаря, о завершении строительства Башни Дев, о том, как он увидел Соломею и Нарата, приближающихся к дворцу после своего долгого отсутствия, промелькнули мертвые лица принцев и прогорающие угольки костра. Иринарх решительно, как в годы, когда он с мечом завоевывал этот край, подошел к принцессе, поднял ее на руки, положил на кровать и поцеловал. Принцесса ответила на поцелуй, отстранила его лицо и заглянула в глаза. В этот момент все горести и печали покинули правителя Иринархы.

Альвильда

Остров короля Фируза со всех сторон был окружен рифами и рядом скал, сквозь которые был один единственный проход вглубь острова. С давних времен на этом острове останавливались пираты и ловцы удачи, чтобы отдохнуть, повеселиться, обменяться грузом, продать или купить что-либо у островного короля. На острове действовал только один закон – пей, гуляй, дерись, но не убивай. А хочешь убить – убирайся с острова. Запрещалось так же приближаться к замку Фируза без приглашения и ходить по прилегающей к нему территории. Нарушителей убивали без предупреждения, а их имущество забирали в пользу короля. Каждый капитан, прибывающий с кораблем на остров, нес ответственность за свою команду головой, поэтому случайных людей здесь не бывало. За пребывание на этой подаренной богом ловцам удачи земле платилась установленная плата, в которую обязательно входили молодые девушки или юноши.

Замок короля находился на самой высокой вершине, оттуда было виден, как сам остров, так и окружающий его океан. Природа была благосклонна к этому месту – мягкий климат, вечная зелень, редкие ветра, озера и водопады с пресной водой. Дорогу к острову знали только проверенные капитаны, и даже они, чтобы попасть на остров должны были пойти предварительный осмотр у прибрежной охраны короля.

Алан с Альвильдой, когда бывали в этих краях, всегда останавливались здесь, и каждый раз король Фируз радушно их встречал в своем замке, пока их команда отдыхала и расслаблялась в тавернах на берегу. Они же в свою очередь привозили подарки и интересные истории.

Так было и в этот раз. Гостям выделили просторные покои, и Альвильда с удовольствием нежилась в круглом бассейне на террасе, в то время как Алан делился с Фирузом последними новостями. Компанию ей составили доши короля, Брук и Диана. С момента, обоснования на острове они не выезжали никуда и поэтому всегда с удовольствием слушали рассказы Алана и Альвильды об их путешествиях и приключениях.

Наслаждаясь теплой водой, прекрасным видом на океан и холодным ароматным вином с соком, Альвильда рассказала им о поездке к острову Рапа-Нуини. Об океане бесконечном и спокойном как небо в ясный день, имеющем запах весенней зелени, теплой соли и холодного утра; о странных, ведущих неспешный образ жизни, жителях острова, их обычаях и взглядах на мир, их удивительной письменности и обрядах. Но больше всего Альвильде понравились и даже поразили статуи, молчаливо с ожиданием смотрящие в небо, как будто ожидающие какого-то чуда или возвращения чего-то давно желанного или потерянного.

– Они не изучают небо, а именно настойчиво ждут. У каждого из этих истуканов свое лицо и выражение, присущее только ему. Когда на них смотришь, возникает ощущение, что внутри камня бьется сердце и вот-вот они оживут и пойдут заниматься своими делами. Их взгляд завораживает задумчивостью, будто бы на миг они посмотрели на падающую звезду и загадали желание, – мысленно вернувшись на остров и вновь заглянув в глаза каменных статуй, вспоминала Альвильда. – По одной из легенд, это древнее племя людей, живших на тех землях в начале времен. Это были добрые и радушные жители, с развитой культурой, наукой, искусством и даже со своей письменностью. У них не было правителей, а единственным законом были законы доброты, любви и всепринятия. Эти жители не знали ни злобы, ни зависти, ни обиды, и как следствие у них не было вражды и оружия. Они были частью окружающего мира, и мир был частью их. Среди них, не зная ни тревог, ни забот, жила прекрасная богиня Цефия, дарующая им за их доброту мудрость и процветание. Остров был покрыт вечной зеленью, благоухающими цветами, порхающими бабочками и казалось что так будет длиться вечно. Но однажды Цефию увидел один из богов неба Виджи и спустился на остров. Он был красив, статен и обаятелен, богиня полюбила его с первого взгляда, и некоторое время они жили

на острове. Но привыкший жить в небесах, бог не смог жить на земле. И тогда Цефия согласилась улететь с ним на небо, пообещав при этом жителям острова, что будет прилетать их навещать. Люди ждали ее день и ночь, неотрывно смотря ввысь, пока не превратились в каменные статуи. А Виджи, насладившись обществом богини, полюбил другую, объяснив это тем, что непостоянство чувств присуще его природе. Так Цефия променяла вечную любовь тысячи добрых человечков на одну мимолетную любовь красивого бога. Когда она улетала на небо, она не знала, что обратного пути не будет, бог промолчал об этом, а влюбленная в него богиня про это не спросила. Она не смогла вернуться на землю и, осознав, постигшую ее утрату, превратилась в большую и яркую звезду – в звезду надежды и любви, звезду, которая светит всем странникам и беспокойным душам.

– Красивая легенда, – выходя из бассейна, задумчиво произнесла Диана, когда Альвильда закончила рассказ. Она расправила ставшие от влаги черными волосы, и села на краю бассейна, опустив ноги в воду. Они были похожи с Брук – высокие брюнетки с белой не поддающейся загару кожей, но у Дианы были уходящие в синеву глаза, и иногда возникало ощущение, что они покрываются ледяной коркой, особенно когда та, как в этот момент, о чем-то задумывалась.

– Кстати о любви, – сменила тему Брук. – Мы заметили, еще в прошлый раз, что Фаррел тобой одержим. В этот приезд его чувства кажутся еще сильнее. Как к этому относится Алан?

– Алан? Да... они отстранились друг от друга. Мне жаль, но с Фаррелом придется расстаться, когда мы приедем в Европу, – улыбнувшись, ответила Альвильда.

– Вы собираетесь в Европу? – переспросила Брук и Альвильда, встретившись с ней взглядом, почувствовала, как той тоже хотелось бы сменить обстановку.

– Мы слишком долго здесь пробыли. Мне кажется, что мы побывали уже во всех уголках этого бесконечного водного мира. Были, наверное, на всех островах, даже на тех на которых умещается только пара человек, скорее всего это вершины подводных скал. Океан к нам благосклонен, за все это время ни одной серьезной бури и крушения. К слову, мы оставим вам в подарок копии карт, вдруг захотите попутешествовать. Мне нравится здесь, но хочется перемен, пусть хотя бы ненадолго. Мне бы хотелось на некоторое время вернуться в цивилизацию, там так все изменилось. Но затем, возможно, вернемся обратно сюда.

– А как к этому относиться Алан? – поинтересовался, подошедший и остановившийся у кромки воды, король Фируз.

– В начале, он был против, затем, все-таки решил навестить отца.

– Вы посетите Короля?

– Как получится.

– Да, как получится... Я надеюсь, моя прекрасная гостья, ты составишь Брук компанию в Акинак, – с улыбкой протянув руку Альвильде и помогая ей выйти из воды, скорее ответил, чем спросил Фируз. – Я спланировал сегодня небольшой праздник. Будет музыка, танцовщицы, кальян, но вы, мои дорогие, будьте сердцем этого вечера.

– Я не против, – поддержала идею Брук, отжимая длинные цвета корицы волосы. – Я, естественно, проиграю, но это доставит мне огромное удовольствие. Обычно я всегда выигрываю, но при этом не считаю себя лучшей, просто мои противники слабее, а вот с тобой все иначе, я никак не могу понять твою технику.

– Разве тебе не составляет компанию Диана? – спросила Альвильда.

– Я не люблю металл и все эти прыжки, – ответила за Брук Диана. – И вообще я берегу свою кожу, все эти царапины и синяки, хоть и заживают быстро, но меня очень расстраивают.

Фируз обнял за плечи Альвильду, при этом достаточно откровенно поцеловал ее за ухом, шепнув при этом:

– Если выиграет Брук, ты подаришь мне свой меч и ножны, а если ты, то я подарю тебе все, что попросишь, включая себя, правда только на одну ночь, договорились?

– Конечно, – в тон ему прошептала Альвильда. – Ты здесь хозяин, значит условия твои.

Вечер был свеж, наполнен благоуханием цветов и треском цикад, впрочем, как всегда, на этом острове. Под луной и звездами мерцала вода, вдали слышался смех развлекающихся на берегу людей.

В большой просторной комнате, со всех сторон имеющей выходы на идущую по кругу террасу, играли сотни свечей, бросая свет и тени на собравшихся в ней.

Альвильда с Аланом возлежали на подушках рядом с хозяином дома и наблюдали за танцующими под мелодичную музыку девушками. Напротив них, на противоположной стороне комнаты, Диана и Брук, смеясь, учили Фаррела курить кальян. Фируз специально расположил их подальше от себя, чтобы поговорить с гостями.

– Мне кажется, ты уступила Брук, – серьезно заметил островной король, протягивая бокал холодного вина Альвильде. – Я видел твой Акинак несколько раз и наблюдал, как ты обращаешься с саблей и мечем, ты непобедима, по крайней мере, не Брук.

– Альвильда повредила руку, совсем недавно, да и давно не отдыхала, – ответил за Альвильду Алан. – Но возможно и Брук стала проворней.

– Я с удовольствием отдала тебе на хранение мой меч, в следующий раз я его отыграю на тех же условиях, – беря бокал и блеснув взглядом, добавила Альвильда.

– В следующий раз ..., предполагаю, это будет не скоро, но если это произойдет, больше не подыгрывай Брук, это не честно, – Фируз пригубил вино, помолчал, наблюдая за танцем, и сменил тему, – так, вы собираетесь в Европу?

– Да, но возможно сначала зайдём в холодные воды, – сказал Алан.

– Вас ищет Семья Короля.

– Да, я в курсе.

– Вам нужно появиться хотя бы один раз на балу.

– Бал, это формальность, они думают, что Альвильда это она, – задумчиво произнес Алан.

– Я тоже так думал раньше, пока не увидел вас, я так ждал этой встречи и какое же я испытал разочарование..., – с улыбкой признался Фируз.

– Какой она была? – спросила Альвильда.

– Она? Другой. Она была не такая как все доши. Я полагаю, что она и не была дошей.... Не знаю, не берусь здесь судить. Она была царица по праву силы заложенной в ней. Слишком независима, слишком сильна, слишком умна, слишком, как бы это сказать, себе на уме, что ли. Она жила своей жизнью, вплетая в нее как нити окружающих. Я думаю, то, что она исчезла, это было самое лучшее окончание той истории, – задумчиво глядя в глаза Альвильде, ответил Фируз.

– Он любит ее раз так долго разыскивает, – наблюдая, как Фируз смотрит на Альвильду, проронил Алан.

– Не знаю, что это любовь или желание обладать..., – Фируз замолчал, видимо вспомнив что-то, а затем добавил, – по закону все жевгар принадлежат Королю, немного не справедливо, но это так. Впрочем, их мало кто видел с момента падения Золотого города.... Вам лучше появиться на балу, это снимет подозрения, и вас перестанут преследовать. По крайней мере, Королевская Семья.

– Мы подумаем над этим, – ответил Алан, хотя знал, что они не будут это даже обсуждать.

– Но эта не единственная ваша проблема.

– Да?

– Да. Вас ищет Матс.

– А ему то, что мы сделали? – удивилась Альвильда.

– А я у вас хотел это спросить. Говорят, он, а точнее его доша Эвита, очень уж хочет встретиться с Альвильдой. Я не думаю, что просто поговорить. Видимо, когда-то, красавица, ты перешла ей дорожку...

– Я не припомню, что бы мы встречались...

Все трое замолчали, наблюдая за сплетающейся в танце страсти парой, при этом каждый обдумывал полученную информацию.

– Кто она? – продолжила разговор Альвильда.

– Эвита? Доша Матса, думаю, в их паре она больше управляет, чем он. Она очень жестока и кровожадна. Эвита убивает ради удовольствия... Игры на грани пыток – основное ее развлечение. В свое время, Матс был вассалом одного из южных предателей. Потом они бежали. После объявления Королем всепрощения и начала новой эпохи, они явились на бал и принесли присягу.

– Король мог убить их, зачем они ему? Ведь если в душе предал, изменить это уже не возможно, – заметила Альвильда.

– Да мог бы. Но полагаю, что после всех войн мандиров осталось настолько мало, что Рауль лишней раз не хочет применять силу. Хотя, более вероятно, что он объявил Всепрощение, чтобы попытаться вернуть ее. Ведь после убийства брата короля, ее надлежало казнить, как посягнувшую на Королевскую Семью. Он простил всех ради нее... А что касается, можно ли изменить душу... иногда мы делаем ошибки..., иногда признаем их и раскаиваемся, в этом и есть мудрость жизни – уметь все поставить на свои места, даже тогда, когда кажется, что обратного пути нет. Но, в случае с Матсом, точнее с Эвитой, я думаю, ты права. Ее душа темна как колодец и на дне не живительная вода, а мертвое озеро. Надеюсь, Король настолько мудр, что присмотрится к ним повнимательнее.

– Мне нравятся эти танцовщицы, – сменил тему Алан, ему не нравился ни этот разговор, ни то, как Фируз смотрит на Альвильду.

– Возьми их себе, в постели они будут так же горячи как в танце.

– Это умение им точно сегодня не пригодится, – обняв Алана, тихо сказала Альвильда.

– Кстати, что там случилось с Либерталлом? – махнув рукой и подзывая подойти к себе Бурк и Диану, спросил Фируз.

– Да, ничего особенного, у Альвильды было плохое настроение, и она сожгла его, – усмехнулся Алан.

– Мне кажется, это еще одна причина, почему вы хотите на некоторое время уйти в другие воды, – рассмеялся Фируз.

– И это тоже, свободные люди нас как-то теперь не очень приветливо встречают.

– И как часто вы поджигаете острова?

– Не часто, но Альвильде пора отдохнуть от пиратской жизни, а то она скоро станет как Эвита, – сделав серьезное лицо, ответил Алан, хотя глаза его искрились от смеха.

– Все может быть, все может быть, – погрузившись в свои мысли, ответила Альвильда.

Иранхара

– Я согласна быть твоей царицей, светлейший господин мой, – ответила Соломея, окончив вечерний Ритуал.

У Иринарха от неожиданности замерло сердце, он ждал, что она скажет дальше...

Несколько раз Иринарх делал предложение принцессе. Но каждый раз она улыбалась и отвечала отказом.

Первое предложение Иринарх сделал на следующее, после погребального костра Нарата, утро. Он проснулся непривычно для себя поздно, Солнце стояло высоко и озаряло своим вечным приветствием мир. Слуги объяснили ему, что вечернюю и утреннюю церемонии провела принцесса и сейчас она плавает в своем бассейне. Юноша, сказавший это, покраснел. «Видимо принцесса как всегда не утруждает себя одеждой», – подумал Иринарх. Вдруг на царя напало волнение, он не знал как себя вести дальше. Он долго и тщательно купался, перемерил несколько кафтанов и туник, затем долго ходил по комнате, размышляя о том с чего начать разговор, что сказать, как посмотреть. Ход его мыслей прервал главный визирь. Тот тихо зашел и поклонился, его лицо выражало великую скорбь, но царя почему-то это разозлило.

– О светлейший, позволь еще раз выразить тебе свои соболезнования...

Иринарх сел в кресло и жестом руки показал, что он принял печаль главного визиря и благодарен ему за сочувствие, при этом взглядом прервал речь вельможи.

Ингис смутился, помолчал и продолжил:

– У нас есть несколько важных вопросов, которые, несмотря на тяжелое для всех нас время и бесконечную скорбь, необходимо сегодня обсудить, мой господин.

– Что тебе сказала Соломея по этим вопросам? – спросил Иринарх. Произнеся ее имя вслух, он почувствовал, как его охватила волна приятных воспоминаний и его мысли унеслись в прошедшую ночь. Царь не услышал ответа визиря, но понял, что к Соломеи он не обращался.

– Знаешь что, Ингис, мы с тобой пришли в эту страну, ты был бесстрашным воином, верным боевым другом и мудрым советчиком. Ты был со мной рядом и в горести и в счастье, но, – Иринарх помедлил с минуту, подбирая слова, – но мне не нравится, что с момента появления Соломеи во дворце ты игнорируешь ее. Она принцесса Иранхары, вдова моего сына, но ты забываешь об этом. Нет, ты не противостоишь ей открыто, не высказываешь замечаний или недовольства, но между тем ты последним выполняешь ее распоряжения и постоянно напоминаешь мне о ее тратах. Скажи, мудрейший, что тебе конкретно не нравится в ней, что сделала принцесса такого, что вызывает твое подозрение?

Ингис хотел перевести тему разговора, но взглянув на царя, понял, что в этот раз это ему не удастся.

– Принцесса молода и прекрасна, – тихо начал главный визирь, – но, светлейший мой господин, молодости свойственна горячность и ошибки, энергия юности не всегда позитивна. Я просто беспокоюсь, как бы идеи наипрекраснейшей не ухудшили ситуацию в империи. У нас все было хорошо – наши законы совершенны, народ послушен, вельможи и купцы уважаемы, казна всегда пополнялась и тратилась разумно, наши женщины были скромны, жилища просты, а наш город процветал. Мы строили немного, руды и камней добывали столько, сколько нам было необходимо, наши поля и сады давали достаточно, чтобы хватало на жизнь. Соломея все перевернула с ног на голову. Зачем нам столько перемен? Если принцессе необходимо что-то постоянно делать, пусть построит побольше Башен Дев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.